

1000

ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ
РУССКОЙ ИСТОРИИ

*Рудольф Баландин
Сергей Миронов*

«КЛУБОК» ВОКРУГ
СТАЛИНА

**Рудольф Константинович Баландин
Сергей Сергеевич Миронов
«Клубок» вокруг Сталина
Серия «Тысячелетие русской истории»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=143063

«Клубок» вокруг Сталина. / Баландин Р.К., Миронов С.С.: Вече; Москва;

2006

ISBN 5-9533-1252-0, 978-5-4444-8352-7

Аннотация

Предвоенные 1930-е годы остаются до сих пор во многом загадочными и едва ли не наиболее запутанными и спорными в истории СССР.

В этой книге сделана попытка на основе ряда фактов, ставших известными за последнее время, осмыслить некоторые события этого периода. Речь идет главным образом о заговорах, покушениях на Сталина и борьбе за власть, а также мерах по укреплению социалистического государства в условиях угрозы войны.

Содержание

Введение	4
Глава 1	41
Глава 2	94
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Баландин Рудольф, Миронов Сергей "Клубок" вокруг Сталина

Введение Правда и ложь о 30-х годах

1

К этой книге требуется обстоятельное предисловие. Тем, кого интересуют больше всего события, а не их смысл, можно данный раздел опустить.

Речь идет о самом загадочном периоде в истории нашей родины. Его сначала считали – и у нас, и за рубежом – героическим по необычайным трудовым и интеллектуальным свершениям. За невиданно короткий срок Россия из страны, пережившей мировую войну, две революции, гражданскую кровавую междоусобицу и последующую разруху, превратилась в сверхдержаву. СССР достиг такой мощи – не только материальной, но и духовной, – что выстоял и победил в самой кровопролитной войне за всю историю человечества.

Позже были опубликованы многочисленные материалы, появились партийные постановления – начиная с речи Н.С. Хрущева, осуждавшие культ личности Сталина, а также огромное количество публикаций о репрессиях 30-х годов. И тогда этот период предстал как ужасный и позорный, а советский народ – как толпа рабов, работающих по принуждению, из страха за свою жизнь при разгуле государственного террора (сталинщины).

Что тут правда, а что – ложь?

Проще всего признать, что каждая сторона по-своему права. Мол, все зависит от точки зрения, симпатий и антипатий. Были определенные трудовые успехи, но было и чудовищное подавление свободы личности. Разве такое невозможно?

Нет, так не бывает. Героизм не может быть подневольным, трудовой подъем – результатом приказа начальства. Массовый террор еще никогда и нигде не укреплял государство, а лишь пробуждал затаенную ненависть к существующему строю. Те, кто убежден в обратном, хорошо знают, по-видимому, что такое страх и лицемерие, но плохо – что такое подвиг, самоотверженность, энтузиазм, любовь к родине.

Да, субъективная правда существует. Но она чаще всего кривобока, ущербна, не чиста. Она таит в себе ложь или заблуждение. Полуправда не может быть истиной. Даже малая толика лжи может так исказить правду, что она становится опасней откровенной лжи. Так щепотка яда отравляет ста-

кан чистойшей воды.

2

Но в чем же критерий истины? Можно ли вообще прийти к объективным выводам?

В этой книге речь идет о событиях, связанных с тайными и явными процессами в жизни страны. Тайное, прежде всего эпизоды борьбы за власть, отчасти остается невыясненным по сей день. Подобные события обычно относятся к вечным загадкам истории. Тайные заговоры уже по сути своей предполагают минимум документов, подтверждающих истинные намерения и планы руководителей.

А вот явное можно при желании отразить с предельной объективностью, в полном соответствии с фактами. Помогают документы, статистические материалы, то есть не столько слова, сколько цифры и графики.

Но и в этом случае необходимо соотносить масштабы явлений с методами исследований. Верно сказано: смерть одного человека – трагедия, смерть тысяч людей – статистика. Судьба одного конкретного человека может быть ужасной или счастливой, но она теряется в движении многомиллионных масс. Порой кажется, будто она полностью зависит от социально-политических факторов, существующего общественного строя. Но это – лишь фон, на котором разворачивается жизненная драма. Очень многое зависит от са-

мого человека. Однако выявить внутренние причины очень непросто. Подобная задача – предмет художественной литературы или биографического исследования.

Даже собрав тысячи индивидуальных свидетельств исторических событий, недопустимо только на этой основе делать заключение о судьбах многих миллионов людей, а уж тем более – о судьбах народа или страны. Вот и 30-е годы в истории СССР надо рассматривать в контексте всей предыдущей и последующей истории этой великой державы.

Какие же имеются объективные показатели жизни страны и народа? Прежде всего – демографические, затем – экономические и экологические.

Если смертность населения уменьшается, численность растет при увеличении и общей продолжительности жизни, если растут валовой национальный продукт и уровень потребления на душу населения, если все это происходит не за счет ограбления других стран и народов, – значит, государство находится на подъеме. Если же все происходит наоборот, значит, страна находится в упадке, а народ ее бедствует.

Таковы объективные критерии. Если исходить из них, то вскрывается принципиальная разница между 30-и и 90-и годами XX века в России-СССР: первые были периодом общего подъема, а вторые – общего упадка.

Но может быть, есть еще нечто чрезвычайно важное, относящееся к духовной сфере, что вовсе не учитывает примитивный числовой статистический метод? Скажем – сво-

бода...

И тогда следует уточнить: о какой свободе и для кого идет речь? В этом вопросе политдемагоги постарались создать полную невнятицу. Потому что есть свобода для жулья, преступников, богатых, казнокрадов, расхитителей национальных богатств, подонков самого разного толка. Слишком часто именно о такой свободе пекутся имущие власть и капиталы, их прислужники, и такая именно свобода реализовалась в России после 1991 года.

Статистика и тут помогает внести ясность. На свободе любая популяция при благоприятной окружающей среде увеличивает свою численность ускоренно, по экспоненте. Этот закон открыл Мальтус, а Дарвин положил в основу своей теории естественного отбора. В общем, данная закономерность у специалистов не вызывает сомнений. На нее ссылался В.И. Вернадский, разрабатывая основы учения о биосфере, среде жизни.

Итак, с 1991 года в России резко возросла смертность (и это – на исходе XX века при значительных успехах медицины и фармакологии!), а также число самоубийств (их уровень превзошел все известные показатели). Это безусловно свидетельствует о том, что свободу и жизненные блага получили в России немногие, наихудшие. Ведь природные ресурсы страны не бедны, а в наследство она получила достижения сверхдержавы – СССР, – которую по научно-техническому потенциалу превосходили только США.

В 30-е годы прирост населения в СССР составлял 1,5–2% в год, а общая численность увеличилась примерно на 24 млн. человек (без учета присоединенных территорий). Как это понимать? Неужели советский человек, вопреки всем законам природы и общества, размножался в неволе при самых неблагоприятных обстоятельствах, в условиях поистине невыносимых (голод, массовые казни, террор)? Причем в то же время в наиболее развитых капиталистических государствах, грабивших колониальные и зависимые страны, прирост населения составлял 0,5–1,5 %.

Какая же свобода в России 90-х годов была дарована народу властью, если тотчас началось массовое вымирание населения при обнищании большинства?

Для нормального честного человека вывод может быть один: в 30-е годы репрессии были направлены не против народа, а против отдельных социальных групп (официальная пропаганда не всегда справедливо называла их "врагами народа"). А через полвека невиданным репрессиям подвергся народ, добились невероятного по масштабам и скорости захвата благополучия и процветания отдельные группы и кланы. В данном случае они с полным основанием могут считаться врагами народа, ибо обогатились они за его счет, при его обнищании, вырождении, вымирании – без каких-либо серьезных внешних причин.

Смысл и значение 30-х годов выявились в период Великой Отечественной войны. Только в этом контексте можно все-

ръем осмысливать те довоенные годы. Вот почему необходимо вкратце затронуть тему войны и победы. Какой ценой была достигнута наша победа в Великой Отечественной? Почему выстоял СССР?

3

За последние 15 лет отечественные средства массовой пропаганды отвечают на эти вопросы примерно так. Цена победы: невероятные потери Красной армии. Выстоял СССР вопреки ущербности своего общественного строя; вопреки миллионам заключенных в тюрьмах и лагерях; вопреки государственному террору и уничтожению лучших сынов отечества, включая самых талантливых военачальников, цвета офицерства и интеллигенции; вопреки бездарному руководству Сталина.

Обдумывая подобные "вопреки", приходишь в замешательство. Как можно, находясь в здравом уме, поверить, будто такая страна и такой народ могли бы выстоять против сильнейшего врага, против самой мощной военной машины Запада, фактически – против всей Западной континентальной Европы?

Тем не менее значительная часть нынешней российской интеллигенции, служащих верит, что было именно так. 22 февраля 1999 года руководитель телеканала "Россия" М. Швыдкой сослался на анекдот о Сталине, который на вопрос

о потерях Красной армии якобы ответил: "А сколько было убито фашистов? Около семи миллионов? Вот и наших погибло примерно столько же". Михаил Ефимович уточнил, что в действительности советские потери были в три-четыре раза выше. Его собеседник журналист А. Симонов не усомнился в этом.

Или вот сведения, приведенные в изданной массовым тиражом "Большой энциклопедии" под редакцией Б. Харенберга ("Хроника человечества", 1996): в советских тюрьмах и лагерях в 1939–1940 годах было заключено до 10 млн. человек. Потери во Вторую мировую там указаны такие (в миллионах) СССР 13,6 военных и 7 гражданских; Германия – 4,75 военных и 0,5 гражданских. Это, конечно, не 21–28 миллионов красноармейцев, как у Швыдкого, но тоже впечатляющие цифры.

Впрочем, Ю. Геллер в журнале "Дружба народов" (№ 9, 1989) писал, что в войну СССР лишился 45 млн. человек, из них 22 млн. солдат и офицеров. Эти данные, как ни странно, удивительно совпадают с утверждением геббельсовской пропаганды (газета "Клич", которая распространялась среди пленных красноармейцев): якобы к началу 1942 года Красная армия потеряла 20 млн. человек и 5 млн. попали в плен. А Э. Генри ("Дружба народов, № 3, 1988) заявил: "Накануне величайшей из войн Красная Армия была обезглавлена. Это сделал Сталин".

Странная получается арифметика. Фашисты захватили

территории, где находилось 40 % населения СССР – 78 млн. человек. В распоряжении Сталина осталось 115 млн., из которых 10 млн. пребывало в лагерях, а около 20 млн. было убито или попало в плен. Если учесть еще раненых и больных, то получается, что у Сталина фактически вовсе не осталось к 1943 году взрослых здоровых мужчин. Выходит, разгромили фашистов старики, женщины и дети?!

Понять геббельсовских пропагандистов, втрое увеличивавших потери Красной армии, можно: шла война не на жизнь, а на смерть, в которой все средства хороши. Но как расценивать заявления М. Швыдкого, Ю. Геллера, Э. Генри и прочих публицистов? Можно предположить, что все они ненавидят сталинскую систему, и это мешает им быть объективными. Но ведь в действительности речь идет о России, СССР, советском народе!

Обратимся к фактам.

Перед войной СССР ускоренно наращивал свой экономический и оборонный потенциал. Это требовало огромных усилий всего народа. Тогда не только сравнительно высокой была рождаемость, но и снижалась смертность. Следовательно, никаких массовых репрессий не было. В ГУЛАГе находилось в 1939 году 1 672 438 человек (из них 454 432 – за контрреволюционные преступления), а на следующий год соответственно 1 659 992 и 445 тыс. Да, шла жестокая борьба с уголовниками, насильниками и врагами советской власти. Если бы народы Советского Союза не доверяли Сталину

и ненавидели советскую власть, этот режим рухнул бы сразу же после первых сокрушительных поражений от фашистских захватчиков. Гитлер на это и рассчитывал. Хотя, зная о реальном положении советского народа, ждал более верного результата: захвата только Европейской части Союза.

Теперь о "чистке" в Красной армии. Из ее рядов в 1937–1939 годах было уволено 37 тыс. командиров, из них большинство по политическим мотивам. 3–4 тысячи было расстреляно как заговорщики, 6–8 было осуждено. К 1941 году были возвращены в РККА около 13 тысяч командиров. Так что перед войной армия, имевшая 680 тысяч командиров, потеряла 10–12 тысяч, менее 2 %.

Но может быть, это были лучшие из лучших? И урон был если не количественный, то качественный? Нет. Упомянем хотя бы Тухачевского, который был мастером карательных операций против русского народа. Это был ставленник Троцкого, а затем Рыкова. Немецкий генштаб стал тайно сотрудничать с ним как с возможным противником Сталина и главой военной диктатуры в СССР. В мемуарах Вальтера Шелленберга, руководителя внешней разведки нацистов, есть интересное признание: они тщательно скрывали свои контакты с Тухачевским, потому что: "Разоблачение Тухачевского только укрепило бы власть Сталина". Гитлер пошел на такое разоблачение, судя по всему, из-за недоверия к своей военной верхушке, боясь за свою власть. Он приказал тайно обследовать архивы вермахта, после чего, по сло-

вам Шелленберга, "были обнаружены кое-какие подлинные документы о сотрудничестве немецкого вермахта с Красной Армией". Между прочим, 5 марта 1945 года Геббельс занес в свой дневник запись, приведя мнение Гитлера: Сталин временно провел военную реформу "и поэтому пользуется сейчас ее выгодами".

Война показала, что советские маршалы и весь командный состав не уступали лучшим генералам и офицерам Германии. Сталин достаточно быстро понял, кого следует назначить на руководящие посты, дальнейшие события подтвердили его правоту и мудрость как Верховного Главнокомандующего. Конечно, бывали у него ошибки, и отнюдь не малые. Однако в конечном итоге правда была на его стороне, и он, а никто другой, привел СССР к победе.

За последние десятилетия стало модным всемерно восхвалять полководческий талант Г.К. Жукова, провозглашая его творцом Победы. Конечно, в его военном гении сомневаться не приходится. Не случайно ему Сталин доверял ответственные операции. Но разве можно не воздать должное другим советским полководцам? Ведь сражения шли на многих фронтах, да и к тому же в тылу врага. Требовалось руководить тылами не только армий, но всей страны, снабжать войска всем необходимым, создавать новые образцы вооружения, спасать беженцев и пострадавших, вести внешнюю политику, следить за состоянием стран союзников и противников... Короче говоря, многое требовалось для по-

беды.

Те же теоретики обвиняют Сталина в том, что он "прозе-вал" начало войны и слишком доверился Гитлеру. Однако в действительности СССР несколько лет напряженно готовил-ся к войне и уже к ее началу начал выпускать превосходные танки и самолеты, "Катюши" и т. д. А что можно было проти-вопоставить гитлеровскому вероломному нападению? Стя-нуть к границе как можно больше дивизий? Так поступили арабы в преддверии войны с Израилем – и потерпели сокру-шительное поражение. Вот и немцы предполагали за месяц разгромить Красную армию, как они это сделали с француз-скими вооруженными силами, которые ни по численности, ни по вооружению не уступали вермахту.

Ну, а как же с военными потерями?

Немцы и их союзники потеряли убитыми порядка 7–7,5 млн. солдат и офицеров.

Красная армия потеряла больше. В "Военно-историче-ском журнале" (№ 9, 1990) приведены выводы двух специ-альных комиссий, подсчитавших наши потери. Всего было убито, пропало без вести, погибло в плену, умерло от ран, болезней и несчастных случаев 8 668 000 солдат и офицеров Красной армии. Из них на первые полгода войны приходит-ся 1,5 млн. человек. Учтем, что примерно столько погибло в фашистском плену. Обходись и мы так с вражескими плен-ными, немцы не досчитались бы не менее 10 миллионов сво-их военных.

Обратим внимание и на потери гражданского населения. Пронемецкая "Большая энциклопедия", значительно увеличив число наших павших воинов, примерно в 2,5 раза(!) преуменьшила жертвы среди мирных жителей. Такова правда: фашисты уничтожали наше гражданское население, а Красная армия этого с немцами не делала. И все это не пропаганда, а научно выверенные выводы, основанные на фактах.

Наконец, еще один вопрос. Нередко говорят, что у нас главной ударной силой были штрафные батальоны. Мол, шли наши воины вперед от страха, ибо стреляли им в спину заградительные отряды. Вот сведения, приведенные в журнале "Социологические исследования" (№ 7, 1991). Всего прошло через спецлагеря бывших военнослужащих Красной армии, вышедших из окружения и освобожденных из плена, 354,6 тыс. человек. Из них 249,4 тыс. было передано в воинские части, 30,7 тыс. – в промышленность, а 18 382 человека направлено в штрафные батальоны. Кроме того, было создано из офицеров 4 штрафных батальона по 920 человек каждый. Следовательно, на каждую тысячу обычных военных приходилось два штрафника. Никакого решающего значения эти отчаянные, но малочисленные части иметь не могли.

Почему же мы победили? В самом общем виде на этот вопрос ответил Сталин, выступая на приеме в честь командующих войсками Красной армии 24 мая 1945 года. Он под-

нял тост: "За здоровье советского народа, и, прежде всего, русского народа". И пояснил: "У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города... И народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим новое правительство, которое обеспечит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это... И это доверие русского народа советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества, – над фашизмом".

Через месяц, принимая участников парада Победы, он вновь вернулся к этой мысли: "Не думайте, что я скажу что-нибудь необычайное. У меня самый простой, обыкновенный тост. Я бы хотел выпить за здоровье людей, у которых чинов мало и звание незavidное. За людей, которых считают "винтиками" великого государственного механизма, но без которых мы все – маршалы и командующие фронтами и армиями, говоря грубо, ни черта не стоим".

Верные слова. Никто из руководителей нашей страны после него не говорил об этом так просто, честно и справедливо. И это были не фразы. После войны, несмотря на огромные потери и разрушения, страна невероятно быстро поднялась, промышленность была восстановлена (кстати, еще в 1944 году Сталин провел совещание, посвященное пере-

ориентации народного хозяйства на мирные задачи). Рождаемость быстро пришла в норму, смертность уменьшилась, и прирост населения вновь, как до войны, стал больше, чем в других развитых государствах.

Чем чаще и громче раздаются проклятья и критические выпады против СССР, против нашего советского прошлого, истории, против Сталина, тем хуже живет наш народ. Вряд ли это – случайное совпадение. Поразительно, что ненависть к советскому прошлому и Сталину чаще всего демонстрируют представители привилегированных групп и, в частности, многие евреи, которые, казалось бы, должны испытывать глубочайшую благодарность к нему и русскому народу за победу над нацизмом. Или они полагают, что при Гитлере им жилось бы лучше?

Можно подумать, что не германские фашисты, а русские люди под руководством Сталина уничтожали евреев; не англо-американские, а советские самолеты варварски бомбили немецкие города; не американцы, а мы превратили в атомное пекло мирные Хиросиму и Нагасаки. И когда нам не перестают твердить, что Россия должна равняться на западную цивилизацию и переиначивать ради этого свою сущность, свои традиционные ценности, свою культуру, то нет никаких сомнений, что это – путь в небытие не только нашей страны и нашего народа, но и всего человечества.

Но коснемся проблемы личности в истории. При этом не будем забывать, что некое имя может приобрести символическое значение, а конкретная личность в таком случае отходит на дальний план. Вот и имя Сталина стало нарицательным, знаковым. И если некогда оно звучало как олицетворение трудовых и боевых побед советского народа, то после его смерти с ним все чаще связывали ужасы тоталитарной системы, подавления личности, террора.

В книжке Р. Конквиста "Большой террор" сопоставляются злодеяния Ивана Грозного и Иосифа Сталина. Аналогия подмечена верно. И тот, и другой правитель подавляли и терроризировали своих внутренних противников ради создания великого государства.

Первый царь всея Руси Иоанн IV вошел в историю как Грозный. На Западе его называют иначе. Скажем, в Англии – Terrible, что означает "ужасный", "страшный" (от латинского "террор", ставшего синонимом тирании, жестокости, уничтожения и угнетения людей). Так же величают его во Франции, Испании, Германии...

Для современного просвещенного россиянина в этом нет ничего странного. Например, профессор А.М. Сахаров в учебнике для вузов ("История СССР с древнейших времен..." под редакцией Б.А. Рыбакова, М., 1983) сделал вы-

вод-приговор: "На века имя Грозного оказалось связанным с представлением о диком разгуле террора. Опричнина стала нарицательным обозначением крайнего беззакония, произвола, массового истребления неповинных людей".

За столетие до выхода этого учебника в Великом Новгороде был воздвигнут памятник Тысячелетия России. На нем запечатлены образы ста девяти крупнейших деятелей страны. Иоанну IV, создателю великой державы, места среди них не нашлось.

Причина проста: потомки-гуманисты не пожелали чтить великого злодея. За последние десятилетия ситуация ничуть не изменилась. Сравнения со Сталиным вконец подорвали репутацию Ивана Грозного. Это делали не только откровенные антисоветчики и русофобы типа Конквиста, но и вполне респектабельные историки-публицисты. Например, Джузеппе Боффа писал: Сталин "с похвалой отозвался о безжалостном истреблении бояр Иваном IV как необходимой предпосылке утверждения централизованного русского государства... В довоенные годы началась идеализация образа "грозного царя": вместе с Петром I Иван IV сделался одной из отправных точек сталинской историографии".

Впрочем, и дореволюционные русские авторы не скупилась на черные краски, когда речь заходила об этом государе. Н.И. Костомаров писал: "Кровь разлакомила самовластителя; он долго лил ее с наслаждением... Напрасно старались бы мы объяснить его злодеяния какими-нибудь руководящими

целями и желанием ограничить произвол высшего сословия; напрасно мы пытались бы создать из него образ демократического государя".

Странновато звучит упоминание образа "демократического государя" применительно к царю Средневековья. А современник Костомарова профессор П.И. Ковалевский вполне определенно заключил, что у Ивана Грозного были приступы "зверства и кровопролития" при "безмерных проявлениях его лютости и безнравственности". Окончательный диагноз: "Иван Грозный представлял собой замечательный образец параноика" (не правда ли, невольно припоминаются и ставшими общеупотребительными характеристики Сталина?).

После приведенных выше характеристик душа отвращается от ужасного тирана. Хочется обратиться к светлым образам гуманных, просвещенных и демократичных монархов. Где их искать? Ясно: на Западе. Вот славные современники нашего Ивана Грозного: французский король Карл IX, английский – Генрих VIII, испанские Карл V и Филипп II. Не они ли – пример для варварской России?

Нет, не станем вспоминать, что Генрих английский поубивал своих многочисленных жен, а Филипп любил мучить животных, да и людей тоже. Будем считать подобные злодеяния мелкими, бытовыми. Это ведь – не массовый террор!

Впрочем, по части террора и массовых убийств западные государи дадут сто очков вперед нашему отечественному ца-

рю. Обратимся к фактам.

При опричнине за 8 лет было убито не более 3–4 тысяч человек. Карл IX лично участвовал в Варфоломеевской ночи, во время которой за двое-трое суток было убито в одном Париже вдвое больше людей, чем за всю опричнину в России! И что же, содрогнулся французский Карл, ужаснулся содеянным, раскаялся? Как бы не так! В последующие две недели во Франции было уничтожено около 30 тысяч человек, виновных лишь в том, что они были христианами-гугенотами (протестантами), а не католиками.

При Генрихе VIII в Англии крестьянские земли ради выгоды имущих власть и деньги превращали в овечьи пастбища. Тысячи английских крестьян, потерявших свои наделы, вынуждены были бедствовать и скитаться. Тогда Генрих постановил казнить всех бродяг. Вдоль больших дорог было повешено 72 тысячи бедняков.

Испанские короли Карл и Филипп в завоеванных Нидерландах казнили более 100 тысяч человек. Примерно столько же крестьян погибло в Германии во время восстания бедноты. Ну, а что касается еретиков и ведьм, то их в Западной Европе вешали, топили и сжигали заживо десятками и сотнями в день. Общее число казненных инквизицией насчитывает вряд ли меньше 500 тысяч.

"И все же, – восклицал известный историк и литературовед В.В. Кожинов, – как это ни странно и даже поразительно – и в русском, и в равной мере западном сознании Иван Гроз-

ный предстает как ни с чем не сравнимый, уникальный тиран и палач... Сей приговор почему-то никак не колеблет тот факт, что количество западноевропейских казней тех времен превышает русские. НА ДВА ПОРЯДКА, В СТО РАЗ; ПРИ ТАКОМ ПРЕВЫШЕНИИ ЗЛОВЕЩИЙ ЛИК Ивана Грозного должен был вроде бы совершенно померкнуть рядом с чудовищными ликами Филиппа II, Генриха VIII и Карла IX".

Почему же сохраняется столь вопиющая историческая несправедливость?

Историков, да и всех представителей Западной Европы и Америки, хулящих Ивана Грозного (обычно теперь – вместе со Сталиным), понять легко: они привычно замалчивают собственные грехи и преступления. Россию они судят по значительно завышенным морально-нравственным критериям. И такой двойной стандарт, избобличающий их как лицемеров, делает нам честь: они ведь понимают, что в противном случае их страны и правители будут выглядеть очень скверно.

Трудней понять наших соотечественников. Радетели за демократию и гуманизм тут выступают как прохвосты и лжецы, клеветники России. Не сделаешь лучше народ, если его несправедливо и на весь свет поносить, да еще ставя в пример тех, кто значительно хуже.

В недавно изданном сборнике биографий "Всё обо всех" (Центр гуманитарных исследований при факультете журналистики МГУ, 1996) сказано: "Иван Грозный оставил

по себе недобрую память, несмотря на то, что при нем положение России укрепилось, а границы ее расширились". (В точности то же самое можно сказать и о Сталине!)

Не в этом ли главная причина очернения образа первого государя всея Руси? Приведенную фразу с полным основанием следовало бы чуть изменить: Иван Грозный оставил по себе недобрую память у недоброжелателей и врагов России потому, что при нем положение державы укрепилось, а границы ее расширились.

Дело даже не в правителе, а в народе. Иван Грозный или Иосиф Сталин пришли и ушли, а страна и народ остались. А потому, целясь в прошлое, ловкие пропагандисты весьма точно попадают в настоящее и будущее, в ту самую страну, которая и ныне называется Россией, и в ее русский народ. Ведь без прошлого нет настоящего и будущего.

5

Существует два принципиально разных вида террора: в одном случае он направлен на подавление правящих или криминальных группировок, в другом на подавление народа.

Подавление народа также может осуществляться по-разному. В одном случае – насилием, уничтожением или изоляцией всех недовольных. Так поступают с покоренными племенами и народами испокон веков, и европейцы в этом поднаторели едва ли не больше всех. За последние два столе-

тия наиболее активно используется экономический тоталитаризм, когда власть и капиталы имущие диктуют свою волю тем, кто трудится. Наконец, в последние полвека, в связи с массовым распространением электронных средств воздействия на сознание и подсознание, способных наркотизировать и подавить интеллектуальную активность личности, в мире господствует духовный тоталитаризм в небывалых масштабах. Это поистине духовный террор против народа, осуществляемый путем разнообразных технических приемов.

В первой половине XX века, когда еще не сложилась наркоцивилизация современного типа, для подавления народных масс использовались преимущественно экономические рычаги. Ведь экономическая зависимость порабощает человека наиболее эффективно и надежно. И если в 30-е годы в СССР не было безработных (за немногими исключениями), а в США были миллионы безработных, влачивших жалкое существование, то из этого следует, что экономический террор в США был направлен против собственного народа (точней, преимущественно против отдельных этнических групп, и в первую очередь против "черных"), тогда как в СССР его не было.

Обратим внимание на одно признание Конквиста. Он писал, имея в виду 1939 год: "В августе Советский Союз посетило больше иностранных туристов, чем когда-либо. И никто из этих туристов не заметил подавленного настроения народа". А затем через несколько строк: "Между тем органы

безопасности хватали наркомов и их заместителей из промышленных наркоматов".

Действительно, как Иван Грозный терроризировал властолюбивых бояр, ослаблявших центральную власть и единство Руси, так Сталин репрессировал преимущественно крупных политических деятелей, партийную и армейскую номенклатуру, работников НКВД и органов пропаганды.

Правда, Р. Конквист, А. Солженицын и другие утверждают, будто во времена "большого террора" были расстреляны миллионы граждан, а десятки миллионов находились в ГУЛАГе. Это – ложь. Как мы уже упоминали, согласно опубликованным документам, за все правление Сталина (32 года) было расстреляно около 700 тысяч преимущественно уголовников, а в лагерях находилось в 30-е годы от 0,4 до 1,9 млн. заключенных, в среднем 1–1,4 млн., из которых большую часть составляли уголовники (политических было от 0,06 до 0,46 млн., в среднем – 200 тысяч).

Согласитесь, реальные цифры явно противоречат легенде о "большом терроре". Тем более, если учесть, что в стране к этому времени было весьма немало врагов советской власти – не менее нескольких миллионов.

Может быть, наши лагеря были подобны фашистским фабрикам смерти? Нет, ни в коей мере. Смертность в среде заключенных определялась точно (ведь каждый осужденный находился и находится под строжайшим контролем). И вот выясняется, что смертность в тогдашних колониях была

примерно такой, как в современной России на воле (!), а в лагерях лишь в полтора раза выше!

Эти сведения кажутся неправдоподобными. Однако повторю: они основаны на фактах, рассекреченных документах. Более того, с ними согласился один военный медик (кстати или некстати – сторонник наших нынешних демократов, но человек честный), который интересовался соответствующими данными. А те, кто утверждал, а то и продолжают повторять о миллионах расстрелянных и десяти миллионах лагерников, не приводят никаких сведений и опираются только на свою ненависть к СССР как империи зла и к Сталину как величайшему злодею.

6

В предисловии к интересной книге А. Полянского "Ежов" литератор Т. Гладков пишет: "Пора наконец не только признать, но и накрепко и навсегда запомнить: возводили дома Магнитогорска, верфи Комсомольска-на-Амуре, плотину Днепрогэса, копали тоннели московского метро и канала Москва-Волга, прокладывали рельсы БАМа (перечень можно продолжить на нескольких страницах) вовсе не "комсомольцы-добровольцы" ... но сотни тысяч и миллионы заключенных лагерей системы НКВД".

Судя по всему, автор высказывания не бывал на крупных стройках и вообще смутно представляет себе, как можно

"копать" тоннели метро и т. п. Он повторил расхожее мнение, давно уже запущенное в массы "прорабами перестройки". Непонятно только зачем в наши дни повторять эту пропагандистскую чепуху и ложь.

Начиная с 30-х годов из числа заключенных могли использоваться на стройках в среднем 1–1,5 млн. в год (всего в лагерях находилось, как уже говорилось, от 0,4 до 2,6 млн. человек). А сколько всего было работающих? До 90 млн. человек. Нетрудно подсчитать, что из общего количества работающих лишь 1–1,5 % составляли заключенные. Выходит, 10–15 человек на 1000 работающих – это и есть та могучая армия трудяг, на которых держалась индустриализация СССР!

Надо добавить, что уже во времена Древнего Рима было известно (сошлюсь хотя бы на Терренция Варрона), что подневольный труд мало производителен уже потому, что приходится содержать целую армию надзирателей и охранников.

Почему столь нелепейшие представления о штрафных батальонах, разгромивших армии фашистов, или о заключенных, воздвигнувших "стройки коммунизма", или о многих миллионах расстрелянных и десяти миллионах лагерников – жертв "сталинизма", почему такие представления нашли отзвук в умах огромного числа образованных "россиян"?

Причин, по-видимому, несколько, и одна из главных – нет привычки самостоятельно думать, сомневаться, проверять услышанное. Они судят (именно – судят, осуждая) о 30-х годах почти исключительно по книгам: многотомнику "Архи-

пелаг ГУЛАГ" А. Солженицына, "Большой террор" Р. Конквиста и роману А. Рыбакова "Дети Арбата". Все три книги показывают СССР как "империю зла" вслед за Геббельсом и Даллесом.

Спору нет, в Советском Союзе той поры далеко не все было светлым и радостным. Но что эти и подобные им авторы могут поставить нам в пример? США, которые тогда переживали острейший и затяжной экономический кризис с миллионами безработных и разгулом криминальных сил? Или фашистские государства Запада: Италию, Испанию, Германию?

Предположим, что А. Солженицын ориентировался на троцкизм. Но чем уж так привлекательна идея мировой революции, от которой отрекся Сталин? Ну, а чрезвычайно лживые "Дети Арбата" утверждают и вовсе уж несуразные идеи (об этом убедительно писал В.В. Кожин в статье "Правда и истина"). Не потому ли их охотно восприняла немалая часть отечественных и зарубежных "интеллектуалов" и "околоинтеллектуалов". Ведь ложь слишком часто выглядит правдоподобнее правды, если она умело преподнесена и отвечает желаниям потребителя.

Миф об СССР – империи зла уже основательно внедрен в сознание десятков миллионов "образованных мещан" (выражение публициста Михаила Лобанова). Но пропаганда добилась и более основательных результатов, закрепив на уровне подсознания категорическую неприязнь к самому имени "Сталин", вызывающем цепь ассоциаций: коварный злодей,

диктатор, параноик с маниями преследования и величия. По той же схеме Советский Союз при "сталинщине" тюрьма народов, архипелаг ГУЛАГ, тоталитарный режим. Иллюстрация: на обложке "Большого террора" – карта СССР, заляпанная кровью и опутанная колючей проволокой.

Сверхзадача этой массивированной пропагандистской кампании, направленной прежде всего против СССР и советского народа, оказалась выполненной. С единством державы и ее индустриальной мощью было покончено, коммунистическая партия была отстранена от власти, советы разогнаны, а идеологические основы, порядком подгнившие, поручены напрочь. И что в результате? Под лозунгами борьбы за демократию, права человека, правовое государство создали невиданное в истории криминально-коррупционное общество; народ ограблен, природные ресурсы расхищаются. Усилиями "перестройщиков", Горбачева, Ельцина, Семьи и многих тысяч заинтересованных лиц Россия превратилась в сырьевой, энергетический, экологический придаток развитых индустриальных держав (к числу которых она после крушения СССР не относится, превратившись в слабо развитую страну).

Может показаться, что все это не имеет отношения к теме этой книги. Но это – только на первый, самый поверхностный взгляд. Вот, скажем, в интервью по ТВ (РТР, 9 июня 2001) А.И. Солженицын сказал, что народ ограбили Ельцин, Гайдар и Чубайс, обмолвившись затем, что в советское вре-

мя расстреливали миллионы людей. Такие вот лукавые формулировки: что же лучше, чтобы тебя ограбили или расстреляли? Вывод очевиден. Сказано о миллионах расстрелянных так, между прочим, как о само собой разумеющемся. Получается, что под властью ельциных, гайдаров и чубайсов находиться лучше, чем в СССР!

То, что Б.Н. Ельцин вел антисталинскую, антисоветскую политику – не секрет. Он как-то с гордостью констатировал, что наконец-то покончил с наследием Сталина (это было одно из немногих его правдивых утверждений). В результате ельцинская Российская Федерация откатилась на задворки современной цивилизации, стала слабо развитой страной с вымирающим и преимущественно очень бедным населением, продолжающей существовать только лишь за счет того, что было создано и накоплено при советской власти.

Таково фактическое положение дел, а вовсе не голословное утверждение. И эти выводы подтверждаются демографическими и экономическими показателями, которые никем не оспариваются.

Кто-то может, конечно, считать все тех же Конквиста, Солженицына, Рыбакова гуманистами (добавим сюда Д.Ф. Волкогонова, А.Н. Яковлева и пр.), для которых статистика – не указ. Но кем же тогда считать тех, кто с уважением, а то и с восторгом писал о Советской России сталинских времен? Среди них: Анри Барбюс, Луи Арагон, Жан-Ришар Блок, Ромен Роллан, Герберт Уэллс, Лион Фейхтвангер, Бер-

нард Шоу, Поль Элюар... Есть, конечно, злые стихи О. Мандельштама, заклеившие Сталина. Но почему-то забывается, что тот же поэт и не из-под палки писал панегирики во славу Сталина (справедливости ради надо признать, что и те, и другие политические его стихи очень слабы). Но как быть с мнением едва ли не крупнейших писателей XX века: М. Булгакова, М. Шолохова, А. Платонова? Они не славословили и не клеймили, а глубоко продумали и прочувствовали те времена, отразив их в бессмертных сочинениях. Безусловно, даже они что-то могли не понять, не оценить по достоинству. И все-таки нельзя, глупо сравнивать их произведения и их мнения с неглубокими и политизированными размышлениями о тех временах конквистов, солженицыных, рыбаковых, – всех тех, кто в меру своих сил и способностей содействовал уничтожению СССР.

7

В этой книге основное внимание уделено событиям, так или иначе связанным с личностью и деятельностью Сталина. Причина очевидна: он являлся ключевой фигурой для того периода не только в наших отечественных масштабах, но и мировом тоже. Он руководил (не единолично, но все-таки как ведущий государственный деятель) государством нового типа, во многом противопоставленным капиталистическим державам. Все они были кровно заинтересованы в провале

этого невиданного социального эксперимента, делая все возможное для его срыва. Успехи СССР были для них тревожным сигналом.

Их опасения полностью подтвердились после победоносного – для СССР окончания войн с фашистскими странами Запада и Востока. Советский Союз не только окреп, но и обзавелся дружественным окружением, а его авторитет в мире поднялся на необычайную высоту.

Рост могущества и авторитета СССР в 30-е и послевоенные годы определил такое явление как культ Сталина.

Об этом совершенно справедливо писал В.В. Кожинов, который был отчасти даже антисталинистом, причем очень последовательным: "Культ Сталина – это вовсе не результат интриг его самого и каких-то сомнительных подручных; это было в прямом смысле слова ВСЕМИРНОЕ явление, которое осуществлялось повсюду от Мадрида до Шанхая".

Надо иметь в виду, что в те времена многомиллионные массы людей трудно было оболванить, как это делается теперь благодаря поистине всюдным, все семейным, всенародным средствам массовой пропаганды, рекламы, информации и дезинформации, развлечения и отвлечения. Спору нет, имя, ставшее легендарным, начинает жить своей жизнью и в определенной мере обособляется от данного конкретного лица. Вот и Сталин превратился в олицетворение СССР, советского народа. Он и сам это понимал.

Такова объективная ситуация, и нам сейчас нет нужды

ее оценивать или анализировать. Нас будет интересовать не личность Сталина, а события, сплетавшиеся вокруг него в причудливый клубок, распутать который чрезвычайно трудно. Тут что-то приходится домысливать, предполагать. И делать это мы, авторы, постараемся с предельной объективностью.

Удивителен сам факт того, что имя Сталина остается, что называется, притчей во языцех. И не потому, что сохраняются некие пережитки сталинизма в чьем-то сознании. Это – личное дело каждого, если не проявляется в действиях. А деятельный сталинизм давно уже отсутствует, со времен первого, яростного и обуянного тщеславием и жадной власти выступления Н.С. Хрущева. Остаются еще, правда, Московский метрополитен, восстановленные Минск, Киев и множество других городов, высотное здание МГУ и огромное количество заводов, фабрик, ГЭС и ТЭС...

Да разве только в Сталине дело? Нет, конечно. Не он же проектировал и строил, скажем, первую в мире атомную станцию или промышленные предприятия. Он уже при жизни превратился в мифологическую фигуру, во многом мнимую; в образ, живущий прежде всего в умах людей, мало похожий на оригинал, на живого смертного (да и умершего полвека назад), очень много работавшего и очень мало отдохавшего человека.

У него было много врагов и завистников. Пожалуй, меньше всего их было и есть в простом русском народе. И бо-

готворили при жизни и проклинали его посмертно больше всех – его завистники и враги. В народе не было истеричной реакции ни в ту, ни в другую сторону. Понимали: работает человек, сознает свою ответственность, и не ради себя это, не ради наживы и должностей своих родных и близких, помощников и соратников.

То, что произошло с нашей страной за последние полтора десятка лет, когда из нее выкачано материальных ценностей примерно на триллион (!) долларов – на подпитку западным благодетелям, да еще разворован и повешен на шею народа чудовищный долг на 179 миллиардов долларов, при годовом бюджете в 20–25 млрд. долларов, – одно уж это должно заставить хотя бы немножко задуматься тех, для кого Отечество – не звук пустой, и судьба России, русского народа, русской культуры – это его собственная судьба.

8

Это предисловие может вызвать у недоверчивого читателя, тем более определенным образом политически ориентированного, смутные подозрения: почему авторы положительно отзываются об СССР и, что совсем странно, о Сталине? Авторитетные комментаторы, публицисты, писатели, ученые за последние полтора десятилетия столько выплеснули грязи на те годы и вообще на советскую власть, что и смотреть-то в прошлое России, СССР невозможно без со-

дрогания и омерзения.

Так вот, в отличие от многих из тех, кто усердно чернил те годы и образ Сталина, я, один из авторов этой книги, при его жизни не был ни сталинистом, ни даже сочувствовавшим идеологии марксизма-ленинизма, в партии не состоял и никакими привилегиями не пользовался.

Осенью 1951 года на своей первой сессии в Московском геологоразведочном институте я получил неуд... за незнание основ марксизма-ленинизма (был такой обязательный предмет). Не потому, что я был непримиримым врагом этого учения; просто оно как-то не укладывалось в моей голове – требовало не столько осмысления, сколько запоминания.

Кстати, двумя годами раньше мне вlepили строгий выговор за то, что привел в школьной стенгазете эпиграмму XIX века:

У нас чужая голова,
А убежденья сердца хрупки.
Мы – европейские слова
И азиатские поступки.

Тем не менее диссидентом я никогда не был, считая таких людей антинародными и не только антисоветскими, но и антирусскими. Да и против советов депутатов трудящихся я ничего не имел: правильная организация была, хотя и с ограниченными возможностями.

Итак, при жизни Сталина я не был сталинистом и его

смерть не оплакивал. Однако когда махровым цветом расцвел хрущевизм с его безрассудством, самодурством, нелепейшими государственными перестройками и отвратительными попытками навязать народу культ Хрущева и КПСС, когда стала неумолимо расширяться пропасть между номенклатурой, в которую лезли за постами и льготами всяческие нечистые личности, и народными массами, тогда (приблизительно в 1963 году) я пришел к выводу, что СССР не доживет до 2000 года.

Дело не только в сокрушительных для страны реформах Хрущева (идейного предтечи Горбачева и Ельцина), но и в том, как стал относиться народ к власти имущим. Мне доводилось работать в разных районах СССР – от Чукотки до Белоруссии, на Кавказе, в Средней Азии, Казахстане. И везде отношение к существующей власти было либо безразличным, либо скептическим, редко доверительным.

При Хрущеве у нас установилась однопартийная система, полное господство "выходцев из народа" – номенклатуры КПСС. Только при Андропове появилась вторая, можно сказать, партия власти, которая могла контролировать номенклатуру, – КГБ. Были резко ограничены возможности вывоза золота, капиталов за границу (есть очень красноречивые цифры). Но Андропов, возможно по этой причине, вскоре скончался, оставив по себе добрую память в народе (не правда ли, странно с позиций диссидентов, партийных руководителей, образованного мещанства).

Только тогда я понял, что при Сталине у нас существовала многопартийная система советского образца. Крупные и сильные партии складывались по интересам, по социально-экономическим принципам: вооруженные силы, органы внутренних дел, руководители производств, КПСС (представляющая идеологию), местные органы управления (советы). Сталин старался сохранять такое партийное равновесие, и когда какая-то одна группа начинала претендовать на гегемонию, он ее разными способами (вплоть до репрессий) ослаблял.

Такая структура системы власти, пожалуй, более разумна и честна, более отвечает интересам общества, народа, государства, чем, скажем, двухпартийные, а по сути однопартийные системы в США или Великобритании, где просто властвуют представители двух кланов власть и капиталы имущих.

Однако Хрущев, играя на различии интересов, умело используя сильные и слабые стороны характера Жукова, смог свергнуть сначала Берию и подорвать влияние органов внутренних дел, а затем отстранить Жукова и ослабить роль армейского руководства. С той поры партийная номенклатура стала по существу единственной господствующей верхней прослойкой, оторванной от народа и достаточно быстро прогнившей. И дело даже не в Политбюро, а в нечистой массе крупных "аппаратчиков" партии и комсомола.

Хрущев был первым, кто заставил меня изменить свое отношение к Сталину. И чем неистовей Хрущев и его при-

спешники разоблачали культ личности, преувеличивая масштабы репрессий (не упоминая о своей роли во всем этом), тем основательней, дальновидней, разумней стали представляться мне деяния Сталина. Но и тогда мне больше по душе были взгляды анархиста П.А. Кропоткина, а вовсе не сталинизм.

Начиная с 1986 года, когда абсолютно определенно обозначилась капиталистическая антинародная направленность "реформ" и "перестройки", а затем был вопреки воле народов расчленен СССР во имя торжества американизма, низкопоклонства и лакейства перед Западом, свободы казнокрадам, коррупционерам и прочим, господства наихудшей части номенклатуры (перевертышей и предателей СССР и КПСС), когда началось прозябание и вымирание русского народа, унижение России и поношение русской культуры и патриотизма, – только тогда я понял, от какой страшной беды избавил Сталин Россию в 30-е годы.

Теперь стало ясно, что надо было сломить сопротивление троцкистов и прочих левых (которых в наше перевороченное время называют "правыми"). Надо было сломить сопротивление и тех, кто жаждал власти и капиталов, кто мечтал установить антинародный строй под своей гегемонией.

Мы отказались от всего самого лучшего, что было достигнуто при советской власти и под руководством Сталина. Нашим опытом и достижениями воспользовались на Западе. Они реформировали свою систему в социалистическом ду-

хе. Наши властолюбцы и лжепророки, жаждущие богатств (я вроде бы первым назвал их "дерьмократами") любой ценой, переняли все наихудшее, что есть в "первобытном капитализме", сделав из нашей сверхдержавы СССР кучку слабо развитых зависимых государств.

...Итак, еще раз повторю: в СССР я работал как геолог-производственник, порой в очень нелегких условиях. В КПСС не состоял, за чинами и званиями не рвался, идеологию марксизма-ленинизма не разделял (многое из моих работ вымарывала цензура, но и пропускали разумные цензоры – кое-что оригинальное, в частности, учение о техносфере). Не уверен, что мы с соавтором сумеем разгадать все тайны 30-х годов. Но знаю и уверяю вас, читатель, что наша работа честна и, насколько это в наших силах, объективна.

Февраль 2002 г.

Р. Баландин.

Глава 1

Под прицелом

Идеологическая борьба

К 30-м годам XX века в СССР укрепились однопартийная система. Это стало итогом деятельности Ленина. Было окончательно подавлено сопротивление таких "попутчиков" как эсеры (социал-революционеры) и анархисты.

Уход Ленина с политической арены в начале 1923 года и смерть в 1924 году остро поставили вопрос о новом партийном лидере, а стало быть, и главе страны. Претендентов на этот пост было, по существу, только двое: Троцкий и Сталин.

В известном письме Ленина к XIII съезду РКП(б) от 25 декабря 1922 года говорилось: "Товарищ Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хвастающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной де-

ла".

Насчет необъятной власти Сталина, конечно, сказано слишком сильно. В этих словах просвечивает другое: слишком большой авторитет. Потому что сама по себе власть генсека в ту пору была существенно ограничена и решения по важным вопросам принимались только коллегиально.

Казалось бы, с этого момента разворачивается активная борьба за "необъятную власть" поначалу между Троцким и Сталиным, а затем между Сталиным и его реальными или мнимыми конкурентами, а также между внутрипартийными группировками.

И победил в конце концов именно Сталин, потому что был чрезвычайно хитер, беспринципен, жесток, коварен и обуян манией величия и жаждой власти. Примерно так трактуют тот период историки не только антисоветские, но и представители идеологических верхов КПСС, а также исследователи, старающиеся оставаться объективными.

Такая позиция укрепилась и стала популярной после доклада Н.С. Хрущева, ниспровергшего "культ личности" к тому времени уже покойного вождя. Ниспровергать мертвых – занятие не из почетных и порядочных. Об этом вовсе не задумывались такие авторы, как Р. Конквист, охотно цитировавший Хрущева. Возникает вопрос: почему вдруг потребовалось совершать столь странное разоблачение?

Обычно отвечают: все это делалось во имя исторической справедливости, для реабилитации невинных жертв жесто-

кого тирана. Чтобы усомниться в такой версии, обратим внимание на такой документ:

"Дорогой товарищ Сталин! Украина Вам посылает ежемесячно по 17–18 тысяч арестованных. Москва утверждает 2–3 тысячи. Прошу принять меры. Любящий Вас Никита Хрущев". Письмо датировано 1938 годом и опубликовано в "Досье гласности" № 3, 2000.

По-видимому, речь идет о списках арестованных. Ретивость Хрущева в репрессиях просто чудовищна, и в Москве ее по мере сил "остужали". И вот из этих запятнанных кровью рук многие историки получили "чистую правду"? Нет, из нечистых рук чистой правды не получишь.

Так почему же Хрущев с той же ретивостью стал разоблачать культ и злоупотребления властью Сталина? Оставим в стороне личные мотивы (их, по-видимому было несколько) и желание скрыть свои преступления. Какова была социальная, общественно-политическая основа этой акции? (Помнится, в институте, где я тогда учился, она произвела ошеломляющее впечатление более всего на преподавателей марксизма-ленинизма. – Р.Б.) Не могло такое важнейшее событие не иметь серьезного подтекста!

Вывод напрашивается такой: это было программное заявление определенной части партаппарата (номенклатурных работников), одержавшей победу над той внутренней политикой, которую осуществлял и олицетворял Сталин. И политика эта заключалась вовсе не в терроре как таковом, и

уж не в терроре против народа (иначе народ не поддерживал бы Сталина ни до, ни, тем более, во время Отечественной войны).

Террор, как мы в этом сможем убедиться позже, на основе документов, был направлен против преимущественно руководящих партийных работников.

Итальянский историк Джузеппе Боффа, один из разоблачителей "сталинизма", писал: "НКВД боролся не только против любых попыток антисталинского сопротивления, но и против партии в целом... Никто не чувствовал себя в безопасности, особенно из руководящих кругов и активистов... Поголовной ликвидации подверглись обкомы партии..."

"Наше движение к социализму и подготовка страны к обороне были бы более успешными, если бы кадры партии не понесли столь тяжелых потерь в результате необоснованных и неоправданных массовых репрессий", – утверждал Хрущев.

Как видим, речь идет об огромных потерях в среде кадровых партийных работников ("массовые репрессии" у Хрущева имеют такой смысл). Вопрос только в том, принесли они пользу или вред стране? То, что она интенсивно готовилась к войне при сталинском руководстве и победила после страшных потерь и поражений в начальной стадии войны – это безусловные факты. То, о чем предположил Хрущев, – это не более, чем гипотеза, выдвинутая не объективным исследователем, а ведущим представителем партаппарата.

По какому-то странному затмению умов многие люди

склонны поражения Красной армии относить на счет Сталина, а победы – на счет Жукова (хотя с не меньшим основанием можно было бы утверждать обратное, что тоже было бы неумно). Но ведь именно эти страшные первоначальные поражения, эта потеря 40 % населения страны, оставшегося "под фашистом", и последующая великая победа совершенно определенно демонстрируют необычайную материальную и духовную мощь советского народа и СССР, фантастическое (а то и фанатичное) доверие народа к Сталину.

Простите за примитивное сравнение. Представьте бой боксеров, когда в первых двух раундах один побывал раза три в нокдауне, но затем одержал победу нокаутом. Или футбольная команда, проигрывая в первом тайме 0:4, в результате одержала убедительную победу. Или... Аналогий можно привести немало. И в любом из подобных случаев, чем тяжелее бой, тем почетней победа. А ведь в России дошли до того, что даже в праздничный День Победы избегают произносить с уважением имя Верховного Главнокомандующего и тогдашнего руководителя державы! Такой оказалась месть партаппаратчиков за свои страхи, унижения и преступления в довоенное время.

Итак, напрашивается вывод: выступление Хрущева против мертвого Сталина было демонстрацией и закреплением победы партаппарата (партийной номенклатуры) над всеми остальными руководящими органами, влиятельными социальными группами и в конечном счете стало символом уста-

новления однопартийной абсолютной диктатуры, подавляющей власти партаппарата над народом. Хрущевская "слякоть" оказалась благоприятной средой для формирования самых беспринципных представителей партруководства, таких как Горбачев, Ельцин, Яковлев, Волкогонов и др.

С той поры стал неуклонно увеличиваться разрыв между партноменклатурой и народом. И когда в 1991 году окончательно победило партийное руководство и все те, кто был к нему приближен, уже никакой всесоюзный референдум не имел никакого значения: СССР был расчленен вопреки желанию абсолютного большинства народа.

Россия стала терпеть невиданные поражения во всех областях, превратившись в исторически кратчайшие сроки из сверхдержавы в слабо развитое государство с вымирающим коренным населением. Не это ли очевидное доказательство того, что к власти пришел поистине антинародный режим (иначе почему бы народ стал бедствовать и вымирать без войны и природных катастроф). Тот самый режим, против установления которого боролся всеми средствами Сталин.

Все эти "левые" и "правые" уклоны в партии были прикрытием принципиальным расхождением в проведении политического курса либо на использование русского (советского) народа как горючего материала для пожара всемирной революции под руководством Троцкого, либо как серой массы трудящихся во благо и для материального благоденствия стоящих у власти и имеющих доступ к национальным

богатствам, либо для укрепления страны и улучшения жизни трудящихся.

Еще при Ленине началось отрезвление от бредовой идеи мировой революции. Партия и народ пошли за Сталиным, стремясь построить социализм в своей стране и воздерживаться даже от "экспорта революций". А вот борьба против абсолютной власти партаппарата шла значительно тяжелей, потому что в нем оставалось еще немало скрытых троцкистов и еще более скрытых "совбуржуев". Все эти люди стремились свергнуть Сталина. Заодно с ними в этом желании были белоэмигранты, руководители едва ли не всех экономически развитых государств, а также немалая часть населения СССР, по тем или иным причинам недовольная властью большевиков.

Вот некоторые "нити" того клубка интриг, заговоров, покушений, действий спецслужб, который сплетался вокруг Сталина. Как бы мы не относились к нему лично, однако следует признать, что в 30, 40 и 50-е годы XX века он был ключевой фигурой не только в политике СССР, но и в мировой политике.

В лабиринте событий и фактов легко зайти в безнадежные тупики. Необходимо иметь легендарную нить Ариадны, которая могла бы провести через все хитросплетения, не теряя общего смысла исторического процесса. А он, конечно, заключается не в примитивной борьбе за власть между руководящими группами и личностями, как пытаются пока-

зять многие политологи, социологи ("нового типа"), историки. Надо иметь в виду, что историю творят не столько правители, сколько народы, и что у исторического процесса имеется сокровенный смысл, до которого не так-то просто добраться.

Возвращаясь к судьбе нашей Родины, хотелось бы привести слова пронизательного русского мыслителя В.В. Кожина: "Граница" между теми, кто служил России, и теми, для кого она была только "материалом", – это не формальная, а глубоко содержательная граница".

Сошлемся на факты, приводимые Кожинным: "В 1947 году при Сталине во время денежной реформы малые и средние вклады граждан в сберкассах не пострадали: они были автоматически увеличены в 10 раз (крупные – в 3 раза). Ныне же при "реформе цен" Россия была беспощадно ограблена" (а ведь кое-кто на всем этом крепко разбогател!). Учтем и то, что сталинская денежная реформа проводилась после самой разрушительной и кровопролитной войны, какую только знала Россия, а ельцинско-гайдаровская реформа в период мира и высокого экономического потенциала. При Сталине народ жил все лучше и лучше, а при Горбачеве и особенно Ельцине – все хуже и безнадежней. Не потому ли до сих пор по любому поводу стараются очернить не только Сталина, но и Россию-СССР его времени – времени величайшего подъема и триумфа России?

Квалифицированный объективный анализ фактов свиде-

тельствует о том, что в 30-е годы в СССР только поверхностный взгляд отмечает преобладание ожесточенной борьбы за власть и внутрипартийных разногласий, конфликтов и схваток. Таково было внешнее проявление глубинных процессов, связанных с подъемом и возрождением великой державы, с судьбой русского народа. Ему была уготована либо роль средства для достижения некоторыми группами глобально-революционных или локально-буржуазных целей, либо удел оставаться примером необыкновенного морального и культурного подъема в условиях освобождения труда от власти капитала.

Последняя формулировка более подходила бы к анархо-коммунистической идеологии, чем к сталинской, при которой требовалось бы дополнить: освобождение от власти капитала при полном подчинении государственно-бюрократическому аппарату. Но все-таки прежде всего государственному, а не партийному. Этой государственной идеей и руководствовался Сталин. Судя по всему, он боролся за приоритет интересов государства и народа, а не партии и ее номенклатуры. Это и было его "изменой революции", в чем обвинял его Троцкий, который был крупным демагогом, но посредственным политиком и мыслителем, что и предопределило его полное поражение.

Например, Джузеппе Боффа, не замеченный в симпатиях к сталинизму, отметил, что попытка оппозиционеров (образовавших достаточно беспринципный блок Троцкого-Зино-

вьева-Каменева) обратиться за поддержкой к партийным низам потерпела сокрушительный провал. Историографы оппозиции объясняют это "апатией масс" или "глухотой". И Боффа заключает: "Как бы то ни было, но массы не откликнулись на предложения оппозиционеров. Они с воодушевлением отнеслись к лозунгу о "социализме в одной стране".

Какая-то логическая несуразица: говорят данные исследователи о глухоте или апатии масс, но только в том конкретном случае, когда речь идет о призывах оппозиции. А вот к сталинскому тезису те же глухо-апатичные массы, оказывается, отнеслись с воодушевлением. Выходит, народные массы реагируют вполне осознанно. Однако для многих современных историографов разум и воля народных масс есть нечто второстепенное, а то и вовсе несущественное в историческом процессе.

В действительности, как показывает опыт истории самых разных стран и народов, политический лидер и государственный деятель достигает великих успехов только в том случае, если он улавливает – обдуманно или интуитивно – суммарный вектор воли и чаяний народных масс, умеет выразить и претворить в дело то, что отвечает их интересам и чаяниям.

Каким образом Сталин стал воплощением "русской идеи" – вопрос особый, к теме настоящей книги имеющий лишь косвенное отношение. Однако то, что он ощущал эту идею и умел воплощать ее в жизнь – естественный вывод,

если учитывать необыкновенные трудовые и военные успехи СССР под его руководством. Те, кто стараются доказывать, что эти успехи – результат его ловких интриг и тотального террора, порабощения народа, не могут, видно, понять, что героические деяния не совершаются с испуга перед начальством.

Итак, надо отдавать себе отчет в том, за что и против чего велась скрытая, но острейшая борьба в руководстве СССР и ВКП(б). Со времен власти Горбачева-Ельцина стало ясно, к чему могла привести в СССР победа оппозиции и, в частности, Троцкого, которого непомерно превозносят антисталинцы. Еще Хрущев начал проводить активнейшую антисталинскую политику, в результате чего были нанесены сокрушительные удары по нашему сельскому хозяйству, промышленности, руководящему аппарату, а мир был поставлен на грань атомной войны. Именно тогда началось беспрецедентное для развитых стран второй половины XX века повышение смертности населения (при снижении рождаемости).

Конечно, можно лишь гадать, к чему бы привело страну господство троцкистов после смерти Ленина. Но то, что господство Сталина привело к победам в социалистическом и культурном строительстве, в войне и послевоенном укреплении и расширении коалиции социалистических государств, быстрому восстановлению народного хозяйства, – это неоспоримо и очевидно. Столь же очевидно, что эти победы дались нелегкой ценой, потребовали огромных жертв,

в частности, множество погибших от голода и болезней.

Напряжение сил было огромным. Но разве известны истории великие победы без немалых жертв? Надо же иметь в виду, что страна находилась постоянно на военном положении, в осаде, под угрозой вторжений с Запада и Востока, среди враждебных держав, имевших огромный экономический и военный перевес. Все это требовало буквально военной дисциплины не только внутри правящей коммунистической партии, но и вообще в стране. Вспомним, как демократические полисы Древней Греции в подобные периоды управляли диктаторы или тираны. В России это произошло стихийно.

Краткая предыстория

Почему после смерти Ленина партийное руководство пошло за Сталиным, а не за Троцким?

В окружении тяжело больного Ленина преобладали, судя по всему, антисталинские настроения. Во всяком случае, Крупская была чрезмерно оскорблена резким замечанием Сталина о том, что она ухудшает состояние Ленина, обсуждая с ним партийные дела. Он пригрозил вызвать и проработать ее поведение в ЦКК. Как вспоминала Мария Ульянова, "Надежду Константиновну этот разговор взволновал чрезвычайно: она была совершенно не похожа сама на себя, рыдала, каталась по полу". Это произошло 22 декабря 1922

года.

Эпизод показывает, что Сталин не был хитрым и лицемерным царедворцем, иначе он не стал бы настраивать против себя самого близкого к больному Ильичу человека. Крупская рассказала Ленину об оскорблении, которое нанес ей Сталин. По-видимому, это она сделала из каких-то политических соображений, потому что не могла не знать, что сильное волнение только повредит ее мужу. Видно, ее желание навредить Сталину было сильнее заботы о здоровье Ленина. (Ведь она напомнила Ленину об этом эпизоде 5 марта, когда первоначальная реакция обиды должна была сильно ослабеть.) Взбешенный Ленин продиктовал:

"Товарищу Сталину. Строго секретно. Лично. Копия тт. Каменеву и Зиновьеву.

Уважаемый т. Сталин! Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву..."

Создается впечатление, что именно Зиновьев и Каменев, которые вскоре образуют вместе с Троцким объединенную оппозицию Сталину, подтолкнули Крупскую (или кого-то еще?) на столь опасный для здоровья Ленина шаг: сообщение о размолвке Сталина с Крупской. В данном случае видна работа профессиональных интриганов и провокаторов.

Завершим письмо: "Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное

против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас известить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения. С уважением, Ленин".

А до этого, 4 января 1923 года, Ленин в дополнении к письму съезду партии писал: "Сталин груб... Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина... и назначить на его место другого человека, который во всех отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью..."

Так оно и показалось подавляющему большинству крупных партийных работников, делегатам съезда. Они решили, что если Сталин и груб, однако он справедлив и прямолинеен в своих словах и действиях. К тому же всем было известно, что Троцкий совершенно пренебрежительно, если не сказать нагло, относился и к "товарищам", и к тем поручениям, которые давал ему ЦК партии. Позже он признался в автобиографии: "Я не гожусь для поручений: либо рядом с Лениным, если бы ему удалось поправиться, либо на его месте, если бы болезнь одолела его".

Серьезные расхождения со Сталиным и согласия с оппозиционерами были у Ленина по так называемому национальному вопросу. Об этом многие историки предпочитают

умалчивать, но необходимо учитывать тот факт, что при Ленине и многие годы после него у кормила власти в РСФСР, а затем СССР, в карательных органах, системе пропаганды стояло непропорционально много представителей еврейской национальности. Например, в Совете Народных комиссаров из 20 членов их было 14, а русских всего двое.

А при этом Ленин более всего опасался и чаще всего подвергал критике именно русских за национализм, который для них едва ли можно считать характерным (скорее, это проявляется у малых народов). Он при создании СССР более всего опасался: приняты ли достаточные меры, как он писал, "чтобы действительно защитить инородцев от истинно русского держиморды? Я думаю, что мы этих мер не приняли, хотя и должны были принять. Я думаю, что тут сыграли роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого "социал-национализма".

Чуть позже он высказался еще определеннее: "Политически ответственным за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского..." Надо заметить, что после этого Ф.Э. Дзержинский стал кандидатом в члены Политбюро, а с 1924 года еще и председателем ВСНХ СССР; на этой должности он пробыл недолго, неожиданно и, пожалуй, загадочно умерев на июльском 1926 года Пленуме ЦК после резкого выступления против оппозиции.

Странно, конечно, что грузин Сталин-Джугашвили и поляк Дзержинский оказались, по Ленину, руководителями "великорусско-националистической кампании". По сути дела, они выступили в защиту демократических прав русских, составляющих цементирующее большинство советского народа.

По отношению к русскому народу Ленин и Троцкий находились примерно на одних позициях, почти прямо противоположных сталинской. И в этом, пожалуй, состояло одно из важнейших преимуществ Сталина перед оппозиционерами в глазах партийных и беспартийных масс. Все-таки русский народ не был тем "быдлом", за который его принимал Троцкий и целый ряд крупных партийных деятелей.

Кстати сказать, ленинское указание на "администраторские увлечения Сталина" следует, по-видимому, толковать как излишнее внимание к государственным, а не партийным делам, отчуждение от идеи мировой революции (в чем упрекал Сталина и Троцкий). Но при всех несправедливых и справедливых нападках на Сталина, Ленин обратился именно к нему с просьбой дать ему яду, чтобы избавить от мучительной болезни. Сталин просил Ильича успокоиться и верить, что при необходимости он (Сталин) исполнит это его желание. Выходит, из всех своих соратников Ленин в личном плане больше всех доверял Сталину, рассчитывая на его честность и порядочность.

И все-таки удивительно, что Ленин обвинил в великорус-

ском национализме не кого-то из русских, а грузина и поляка. Получается, что сами-то русские таким пороком не страдают, а за них заступаются представители двух национальных меньшинств. Судя по всему, отстранение Сталина от руководства явилось бы катастрофой для русского, да и многих других народов СССР.

После смерти Ленина и во время его похорон Троцкий находился в Сухуми. Свои ощущения он достаточно аляповато, но "красиво" отразил в своей биографии: "Вместе с дыханием моря я всем существом своим ассимилировал уверенность в своей исторической правоте". Ассимиляция эта, как показала история, его жестоко обманула. По-видимому, он полагал, что в результате смятения, вызванного смертью вождя, партийное руководство осознает, что только Троцкий способен занять место Ленина. Его будут вызывать, умолять, восхвалять и призывать "на власть", как некогда новгородцы Рюрика, или как беспринципного, но незаурядного человека и полководца Алкивиада изгнавшие его жители Афин. Ничего подобного не произошло. Партия верила Сталину больше, чем Троцкому.

В 1927 году противник большевиков (добавим, умный и порядочный) эмигрант Марк Алданов (настоящая фамилия Ландау) писал о Сталине: "Мне крайне трудно "объективно" писать о большевиках. Скажу, однако, тут же: это человек выдающийся, бесспорно самый выдающийся во всей ленинской гвардии. Сталин залит кровью так густо, как никто

другой из ныне живущих людей, за исключением Троцкого и Зиновьева. Но свойств редкой силы воли, бесстрашия, по совести, отрицать в нем не могу. Для Сталина не только чужая жизнь копейка, но и его собственная, – этим он резко отличается от многих других большевиков".

Отмечая, что Сталин был террористом, грабившим банки для денег на революционные цели, Алданов уточнил: "Ни Сталин, ни Камо (Тер-Петросян), в отличие от многих других экспроприаторов, не пользовались "эксами" для личного обогащения".

Добавим, что и за всю свою жизнь Сталин никогда не опускался до обогащения своих родных и близких, а тем более самого себя. Тем, кто подозревает, будто Сталин удовлетворялся властью и славой, как маньяк, должен принять к сведению, что он совершенно не стремился постоянно выступать при большом скоплении народа, совершать всяческие торжественные визиты, красоваться перед публикой, подобно таким руководителям, как Хрущев, Горбачев, Ельцин (опять приходится называть эти фамилии антиподов Сталина).

Что же касается Троцкого, то можно вновь обратиться к свидетельству и мнению его современника Алданова: "У Троцкого идей никогда не было и не будет. В 1905 году взаймы у Парвуса, в 1917 году – у Ленина... Но в большом актерском искусстве, как в уме и хитрости, Троцкому, конечно, отказать нельзя. Великий артист – для невзыскательной

публики. Иванов-Козельский русской революции".

Алданов привел "красивые" высказывания Троцкого после покушения Каплан: "Мы и прежде знали, что у товарища Ленина в груди металл!" Где-то он в порыве энтузиазма прокричал "глухим голосом": "Если буржуазия хочет взять для себя все место под солнцем, мы потушим солнце!" Галерка редела от восторга, как некогда на спектаклях Иванова-Козельского... Троцкий вдобавок "блестящий писатель" – по твердому убеждению людей, не имеющих ничего общего с литературой... В последние годы Троцкий, видимо, ослабел и вел себя значительно ниже своей репутации ловкого человека. За самыми горделивыми его позами следовали самые унижительные покаяния..."

Напомним, что все это было написано в 1927 году. И если Алданов сумел верно – хотя бы в общих чертах – оценить личные достоинства Троцкого и Сталина из своего парижского "зазеркалья", то в СССР очень многие неглупые люди умели не менее проницательно судить о том, кого предпочтеть на вершине власти. Выходит, нет ничего удивительного в том, что объединенная оппозиция Троцкого-Зиновьева-Каменева, тщательно подготовившая свое открытое выступление предварительными встречами и тайными сговорами, скрытной работой в первичных ячейках и среди партийного руководства, несмотря на поддержку нескольких тысяч человек (предполагались цифры от 4 до 8 тысяч), получила сокрушительный отпор со стороны основной массы партий-

цев, которых было больше миллиона.

Надо учитывать, что в те времена агитационное воздействие на народные массы было существенно ограничено. Самые броские, зажигательные и убедительные на слух фразы могли воздействовать только на митингующую толпу, да и то на недолгий срок. Таких ораторов революционный период выдвинул немало (среди них одним из наиболее знаменитых был Троцкий). Электронных средств массовой пропаганды и агитации, воздействия на подсознание многомиллионной и разобщенной "телетолпы" тогда еще не было. Люди полагались главным образом на собственное разумение (принципиальное отличие от ситуации в России в последние десятилетия XX века).

Выступая на объединенном заседании Президиума ИККИ и ИКК в сентябре 1927 года, Сталин имел все основания сказать: "Троцкий не понимает нашей партии. У него нет правильного представления о нашей партии. Он смотрит на нашу партию так же, как дворянин на чернь или как бюрократ на подчиненных" (не проскальзывает ли тут намек на то, как смотрит Троцкий на русский народ?). Затем Сталин задает вопрос: почему Троцкому не удалось стать лидером в партии? "Разве у Троцкого нет воли, желания к руководству?.. Разве он менее крупный оратор, чем нынешние лидеры нашей партии?.. Чем объяснить в таком случае, что Троцкий, несмотря на его ораторское искусство, несмотря на его волю к руководству, несмотря на его способности, оказался отбро-

шенным прочь от руководства великой партией, называемой ВКП(б)? Троцкий склонен объяснять это тем, что наша партия, по его мнению, является голосующей барантой (в данном тексте – угоняемым стадом. – Авт.), слепо идущей за ЦК партии. Но так могут говорить о нашей партии только люди, презирающие ее и считающие ее чернью... Это есть признак того, что Троцкий потерял чутье партийности, потерял способность разглядеть действительные причины недоверия партии к оппозиции".

Трудно возразить против этого. Как мы уже говорили (и не только мы), низы партии безоговорочно высказались против оппозиции... Сталина, прежде всего. И он это подчеркнул: "Тот факт, что главные нападки направлены против Сталина, этот факт объясняется тем, что Сталин знает лучше, может быть, чем некоторые наши товарищи, все сплетни оппозиции, надуть его, пожалуй, не так-то легко... Да что Сталин. Сталин человек маленький... Более того, я считаю для себя делом чести, что оппозиция направляет всю свою ненависть против Сталина. Оно так и должно быть. Я думаю, было бы странно и обидно, если бы оппозиция, пытающаяся разрушить партию, хвалила Сталина, защищающего основы ленинской партийности".

Так, без дипломатических тонкостей, Сталин сумел не только завершить окончательный разгром оппозиции, но и закрепить свое положение партийного лидера, "маленького" по сравнению с Лениным, однако твердо продолжающего его

курс. В октябре того же года на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) Сталин напомнил, что после XIII съезда он просил пленум ЦК освободить его от обязанностей генерального секретаря и эту отставку не утвердили. "Через год после этого, – продолжил он, – я вновь подал заявление в пленум об освобождении, но меня вновь обязали остаться на посту..." Действительно, так оно и было. (Вновь вспоминается недавняя история: когда Ельцина освобождали от должности кандидата в члены Политбюро КПСС, переводя на производственную работу министра, он впал в стрессовое состояние, имитируя или пытаясь совершить самоубийство, – вот какова была жажда высших должностей и власти!)

Итак, поражение оппозиционного блока Троцкий-Зиновьев-Каменев не только укрепило авторитет Сталина, но и сделало его бесспорным и единственным партийным вождем, а также ведущим государственным деятелем. С той поры бороться с ним приходилось с предельной осторожностью и скрытностью.

За что боролись?

Первым, кто мог свергнуть Сталина в конце 20-х годов, был... сам Сталин!

Именно так. Ведь не кто-нибудь, а он ставил вопрос – и не раз! – о снятии Сталина с поста генсека партии. И это были не поза и не хитрость: нельзя было заранее знать наверняка,

что просьбу эту не удовлетворят. В конце 1927 года Сталин напомнил:

"Я на первом же заседании Пленума ЦК после XIII съезда просил Пленум ЦК освободить меня от обязанностей Генерального секретаря. Съезд сам обсуждал этот вопрос. Каждая делегация обсуждала этот вопрос, и все делегации единогласно, в том числе и Троцкий, Каменев, Зиновьев, обязали Сталина остаться на своем посту.

Что же я мог сделать? Сбежать с поста?.. Человек я, как уже раньше об этом говорил, подневольный, и когда партия обязывает, я должен подчиниться".

Партийцы, конечно, помнили, как двумя годами раньше Зиновьев и Каменев требовали немедленного исключения Троцкого из Политбюро, упрекая Сталина... за примиренческую позицию по отношению к Троцкому.

В декабре 1925 года на XIV съезде партии Каменев предложил убрать Сталина с его поста, высказывая мнение ленинградской делегации, которую Зиновьев подбирал по принципу личной преданности ему. Однако аплодисменты оппозиции потонули в гуле возмущенных голосов подавляющего числа депутатов. Затем зал, выкрикивая имя "Сталин", стоя приветствовал своего вождя.

Победы Сталина над оппозицией во многом объясняются шаткостью идейных позиций и моральных устоев его противников. Перед самоубийством, 22 августа 1936 года, бывший оппозиционер, кандидат в члены ЦК ВКП(б) М.П. Том-

ский в предсмертной записке, направленной на имя Сталина, признался в совершении "величайшей ошибки, борьбы против ЦК и его правильной линии, резких и грубых нападок на руководство и тебя (т. е. Сталина. – Авт.) как олицетворение этой линии и партийной воли". И утверждал, что не скатился до заговора против партии, что "с презрением смотрел, как Зиновьев и Каменев трижды каялись и трижды предавали..." Томский заявил: "Я глубоко презираю эту подлую банду!"

К своей записке он добавил: "Если ты хочешь знать, кто те люди, которые толкали меня на путь правой оппозиции в мае 1928 года, – спроси мою жену лично, только тогда она скажет". (Как видим, уже тогда, по-видимому, Томский стал примыкать к "правым" противникам Сталина, в числе которых был и Бухарин.)

Между прочим, тот же Томский, выступая на XI съезде РКП(б), не без иронии заявил, что "за границей нас несправедливо упрекают за режим одной партии, но у нас партий много". При этом он попытался отшутиться, подчеркнув, что "в отличие от них, у нас одна партия у власти, а остальные в тюрьме". Практически все оппозиционеры на определенных этапах, утверждая верность генеральной линии партии, обрушивались на тех, кто находился в оппозиции. Скажем, летом 1927 года Бухарин громил позиции Троцкого и Зиновьева во имя "монолитного единства". Однако весной 1929 года он же возглавил "правую оппозицию" и говорил: про-

должая взятый курс, "у самых ворот социализма мы, очевидно, должны или открыть гражданскую войну, или подохнуть с голоду и лечь костями".

В конце августа 1936 года Бухарин, стремясь дистанцировать себя от Каменева, Зиновьева, Рейнгольда, отозвался об их судьбе: "Моих обвинителей поделом расстреляли... Между тем, я... могу с гордостью сказать, что защищал все последние годы, и притом со всей страстностью и убежденностью линию партии, линию ЦК, руководство Сталина". По его словам: "Только дурак (или изменник) не понимает, что за львиные прыжки сделала страна, вдохновленная и направляемая железной рукой Сталина. И противопоставлять Сталину пустозвонного фанфарона или пискливого провизора-литератора можно только выживши из ума". И еще раз: "Что мерзавцев расстреляли – отлично: воздух сразу очистился".

А когда читаешь опубликованное на Западе письмо бежавшего туда Ф. Раскольниковца, проникнутое ненавистью к Сталину и непримиримым отношением к его политике, полезно было бы вспомнить о том, что писал он лишь восемь месяцами раньше: "Дорогой Иосиф Виссарионович! После смерти Ленина мне стало ясно, что единственным человеком, способным продолжать его дело, являетесь Вы. Я сразу и безоговорочно пошел за Вами, искренне веря в Ваше качество политического вождя и не за страх, а за совесть разделяя и поддерживая Вашу партийную линию".

Подобных примеров изворотливости, двуличности деятелей оппозиции можно было бы привести немало. Такие люди, какими бы соображениями они ни руководствовались, вызывают недоверие и брезгливость. У Сталина в этом отношении было подавляющее преимущество перед ними в глазах абсолютного большинства партийцев.

Руководители оппозиции боролись за власть, а Сталин – за мощное индустриально развитое государство, способное разгромить любого противника, а также за максимально эффективную, военного образца систему управления обществом, а значит с более или менее ярко выраженным единоначалием, единовластием.

Полезно постоянно помнить, что речь идет о небывалом социальном эксперименте, который был продуман и начат отнюдь не Сталиным. Любой руководитель в такой ситуации оказывается в положении сказочного витязя, перед которым открыты три дороги, каждая из которых по-своему опасна и требует идти на жертвы.

Левая дорога – к продолжению революционной агрессии и в идеале к разжиганию глобального революционного пожара. На такой путь звал Троцкий. Здесь даже в случае успеха (очень сомнительного или, верней, практически невероятного) надо было пожертвовать русским народом. Его, только еще возрождавшегося после чудовищных потерь и лишений в братоубийственной Гражданской войне, надлежало бы перемолоть в мясорубке мировой революции.

Правая дорога – к сближению с капиталистической системой по форме хозяйствования, но при сохранения диктатуры партии. (Мы сейчас не вдаемся в детали и не рассматриваем подварианты.) На этот путь перевели советское общество партийные верхи под руководством Горбачева и Ельцина. Результаты, как видим, просто катастрофические для государства и народа, при необычайной выгоде тех, кто пристроился на вершине общественной пирамиды или обрел криминально-спекулятивные капиталы. В далекие 30-е годы катастрофа была бы значительно губительней потому, что страна была бедна, а мировая капиталистическая система испытывала кризис, и все индустриально развитые государства постарались бы выйти из него за счет России.

Оставалась, как видим, единственная возможность уцелеть стране и народу: двигаться прямо по избранному пути, совершая неизбежные незначительные отклонения вправо или влево, но стараясь продолжать строительство невиданного еще в истории общества.

Как пишет Н. Верт: "Сталин развил теорию о возможности построения полноценного социалистического общества в отдельно взятой стране на основе имеющихся человеческих и природных ресурсов и военной силы, которую следует укреплять ввиду капиталистического окружения, ожидая более благоприятных для мировой революции обстоятельств. Эта примитивная теория тешила националистические чувства и была великолепно приспособлена к психоло-

гии рядового члена партии, уставшего дожидаться мировой революции..."

Странные, уж извините за невольный каламбур, выверты устраивает Верт. Называет примитивной теорию, которая полностью себя оправдала (вспомним вновь итоги Великой Отечественной войны), словно у него в запасе есть другие высоконучные теории на этот счет. О националистических чувствах Верт упомянул, словно бы не сознавая разницу между национализмом и элементарным чувством национальной безопасности. Получается так, что положить русский народ как жертву на алтарь мировой революции, разжигая межклассовую войну в других странах, гражданскую междоусобицу в других народах, это и есть подлинный интернационализм.

Возможно, у таких буржуазных историков, как Верт, проявляется какая-то странная, если не болезненная любовь-симпатия к Троцкому и такая же неприязнь-ненависть к Сталину, вне зависимости от взглядов этих деятелей. Уж кто-кто, а буржуазные ученые должны бы с негодованием отвергать идею мировой революции. Или Н. Верту не только на русский, но и на французский народ наплевать во имя троцкизма, и на буржуазную Французскую республику тоже? Ведь именно Сталин предполагал в теории и осуществлял на практике мирное сосуществование капиталистической и социалистической систем. И на этом пути он, как известно, достиг великолепных результатов как мировой политик. В

мировую революцию он, судя по всему, не верил, как всякий разумный человек, понимающий, что на земном шаре имеются страны с различным государственным устройством и принципиальными различиями в экономическом, социальном, культурном развитии.

Складывается впечатление, что любовь и уважение многих буржуазных историков, социологов, политологов к Троцкому и троцкизму объясняется главным образом нелюбовью, а то и ненавистью к Сталину, Советскому Союзу, советскому (русскому) народу.

Между прочим, такие антисоветские лидеры капиталистических государств как Черчилль и Рузвельт умели неплохо ладить со Сталиным, даже сотрудничать, отдавая должное его концепции построения социализма в одной отдельно взятой стране (или даже группе стран).

Но, безусловно, не приходится спорить о том, что после так называемого "военного коммунизма", достаточно скоротечного, пришел черед "военному социализму", который повлек за собой плотное "закручивание гаек" государственного механизма. Стране, с огромным трудом восстанавливающейся после разрухи, были противопоказаны политические разногласия и политические игры в борьбе за власть.

Демократия, то есть НАРОДОВЛАСТИЕ, по сути своей деспотична, ибо исходит из интересов народа, подавляющего (в прямом и переносном смысле) большинства трудящихся. Это – не анархия. Капитализм есть прежде все-

го плутократия, то есть власть богатых. И когда "правый уклонист" Бухарин провозгласил лозунг "Обогащайтесь!", это был шаг в сторону плутократии, причем возможности для максимального обогащения были бы в руках верхушки партийно-хозяйственно-государственного аппарата, своеобразной "пролетарской аристократии", а точнее говоря, номенклатуры. В 90-е годы XX века под этим лозунгом была в кратчайшие сроки разграблена Россия с беспрецедентным по масштабам вывозом капитала за границу.

Если непредвзято и разумно анализировать российскую историю XX века, то приходишь к выводу, что еще перед 30-ми годами партийное большинство, масса трудящихся избрали единственно возможный для самосохранения путь, по которому вызвался их вести Сталин. Вызвался не из конъюнктурных соображений или жажды власти: он прекрасно сознавал огромные трудности, которые ждут впереди, и великую ответственность руководителя.

За последние два десятилетия опубликовано много работ, из которых следует, что у Сталина и его курса было немало влиятельных, преимущественно скрытых врагов. И теперь не без гордости пишет о заговоре против Сталина младший сын видного деятеля Коминтерна Осипа Пятницкого (Иоселя Таршиса) Владимир ("Заговор против Сталина", М., 1998). Если бы – только против Сталина...

Сейчас очень трудно судить, насколько глубоко продуманы и прочувствованы были действия и Сталина, и его про-

тивников. Но факт остается фактом – победил именно он. О том, что это произошло лишь благодаря его жестокости, можно предполагать, только совершенно не зная, какими методами при случае пользовались Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин... Все они были, можно сказать, одного поля ягоды (тут в пору и Ягуду Генриха вспомнить). Да и Ленина вряд ли можно назвать гуманистом.

Итак, позволим себе сделать вывод: если в верхах руководства коммунистической партии и государства шла борьба за власть, то для масс рядовых коммунистов и всего русского (советского) народа шла борьба за выживание, самосохранение. Глубокий инстинкт народа, тогда еще не утерянный, не стертый, подсказывал, что единственно возможный, пусть даже с немалыми жертвами и лишениями путь – продолжать строить социалистическое общество, не склоняясь ни к мировой революции, ни к частнособственническому капитализму, который реально обернулся бы плутократией власть имущих.

Группировка Сталина занимала сторону партийного большинства и народа. Возможно, это произошло стихийно, так как эти люди были представителями народа и считали себя таковыми. И это обстоятельство содействовало их победе.

Вряд ли случайно на XIV съезде партии (в конце 1926 года) по инициативе Сталина в руководящие органы партии вошли русские: Молотов, Ворошилов, Калинин. Ленинградская оппозиция, возглавляемая Зиновьевым, проголосовала

против отчетного доклада Сталина (65 человек), тогда как доклад был принят 559 голосами. Зиновьев был отстранен от руководства Ленинградской партийной организацией, а вместо него был назначен Киров; он, а до него Молотов провели "чистку" этой оппозиционной организации.

В декабре 1929 года на пленуме Ленинградского обкома ВКП(б) Киров выступил как один из первых организаторов и вдохновителей культа личности партийного вождя: "Если кто-нибудь прямолинейно и твердо, действительно по-ленински, невзирая ни на что отстаивал и отстаивает принципы ленинизма в нашей партии, так это именно товарищ Сталин... Надо сказать прямо, что с того времени, когда Сталин занял руководящую роль в ЦК, вся работа нашей партийной организации безусловно окрепла... Пусть наша партия и впредь под этим испытанным, твердым, надежным руководством идет и дальше от победы к победе".

...Принято считать культ личности Сталина явлением сугубо отрицательным. Это – упрощение. То, что этот культ, как любой другой культ политического и государственного деятеля, отвратителен, вряд ли можно спорить. Тем более, что раздувают его сплошь и рядом люди лицемерные, низкие (правда, последнее относится к Кирову только, пожалуй, в отношении роста). Однако для Сталина и его соратников этот культ играл огромную положительную роль. Прежде всего, культ личности стал одним из грозных оружий в борьбе с оппозицией.

Безусловно, в партии и народе было немало людей, люто ненавидящих Сталина, хотя вряд ли их было больше, чем ненавидевших Ленина, и наверняка меньше, чем ненавидящих Троцкого. Вряд ли сам Сталин имел сколь-нибудь серьезное отношение к организации и раздуванию собственного культа. У него была другая задача: укреплять и усиливать культ Ленина. Он подчеркнуто отходил при этом на второй план, называя себя лишь помощником, продолжателем дела великого вождя. Но так как из них двух в живых оставался он один, то восхваление Ленина содействовало одновременно и культу Сталина.

Надо лишь иметь в виду, что, как сказал, кажется, Михаил Шолохов: был культ, но была и личность. В истории разных народов бывали периоды культа личности, и называть это явление некой патологией общества было бы слишком опрометчиво. Французы, да и не только они, поныне чтут Наполеона Бонапарта, хотя он не создал сверхдержавы, потерпел сокрушительные поражения, нередко вел себя недостойно, постыдно (скажем, суля своим воинам разграбление Москвы и Санкт-Петербурга, бросив свою отступавшую армию в России) и закончил свои дни в ссылке. Сталин завершил свою жизнь на высшей ступени всемирной, поистине небывалой славы, идя к этой вершине с нижних ступеней социальной лестницы, в необычайно трудных и опасных условиях, создав за три десятилетия своего правления из бедствующей, полуразрушенной после Гражданской войны страны

великую сверхдержаву!

Если есть до нелепости наивные люди, которые полагают, будто культ своей личности можно сотворить искусственно, они крепко ошибаются. Почти все крупные политики, особенно в "демократических" странах, где ведется активнейшая и дорогостоящая политическая борьба за власть, не столько даже властолюбцы, сколько любители славы, почета, чествований и т. п. Из них редко кто не был бы счастлив культу своей личности, делая все возможное, чтобы его создавать и раздувать. В нашей стране в XX веке такого рода деятелями безусловно были Хрущев, Брежнев, Горбачев, Ельцин. Ну и что? Удалось ли им создать что-либо подобное реальному культу личности? Нет. Не только в народе, но даже и в кругах более или менее высокопоставленных служащих такого культа, при очевидной жажде славы и чествований, им создать не удалось.

Но у всякого восхваления некой личности, а тем более превознесения ее до неслыханных высот, есть и обратная сторона. У противников данной личности возникает столь же сильное отрицание культа, отвращение к нему, ненависть к этой непомерно восхваляемой личности. А если об этих своих мыслях и чувствах опасно высказываться прилюдно, то ненависть становится глухой и тем более непримиримой. Недаром даже у таких абсолютно мирных политических деятелей, как Махатма Ганди – подлинного непротивленца злу насилием, – оказались смертельные враги.

Для Сталина его популярность в массах (прежде всего партийных) служила как бы охранной грамотой. Вряд ли было очень трудно организовать и осуществить его убийство. Такие проекты, как мы еще убедимся, имелись. Были и люди – в немалом количестве, – люто его ненавидящие и готовые, по-видимому, рисковать жизнью ради убийства тирана.

Вот отрывок из стенограммы доклада наркома НКВД Н.И. Ежова на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 года. Говоря о намерениях правой оппозиции, он подчеркнул:

"Кроме того, программа не отказывается и от индивидуального террора. Правда, они называют, видимо, на опыте Кировских событий (имеется в виду убийство Кирова. – Авт.), это "террористической партизанщиной" и предлагают перейти к групповому террору... Но, правда, они не отвергают и отдельных убийств. Однако говорят, что самая последняя "современность", т. е. убийство Кирова – не свидетельствует в ее пользу. Но, однако, рассуждают они "появление Цезаря всегда неизбежно влечет за собой и появление Брута". (Шум, движение в зале.) Они говорят: "Мы – террористы, к террору относимся совсем по-другому, чем так называемый официальный марксизм". Вот, товарищи, последнее откровение этой дошедшей до конца группы правых".

Неясно, откуда взял Ежов "последнее откровение". Хотя слова о Цезаре и Бруте вряд ли он выдумал сам. Мысль эта вполне естественна, ибо "Цезарь" действительно появился в

30-е годы в Советском Союзе.

По справедливости говоря, своими репрессивными мероприятиями Сталин вполне давал основания для подобных действий против себя. Правда, в ту пору (по крайней мере) тайные убийства он не практиковал, оставаясь в рамках "официального марксизма", предполагавшего репрессии, но не терроризм.

Так или иначе, оппозиция "генеральной линии партии" и лично Сталину вынуждена была таиться в подполье, организовывать тайные заговоры, по возможности избегая прямой конфронтации и открытого обсуждения своих взглядов, которые становились все более экстремистскими.

Почему не убили Сталина?

Окончательный ответ на этот вопрос вряд ли когда-либо будет получен. Это все-таки не математическая задачка и не раскрытие преступления. Но поразмыслить над ним стоит.

Обратим внимание на такой документ, по-видимому, подлинный: "Спецсообщение № 40919 от 18 ноября 1931 г.

Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Сталину.

По полученным нами сведениям на явочную квартиру к одному из наших агентов в ноябре месяце должно было явиться для установления связи и передачи поручений лицо, направленное английской разведкой на нашу территорию.

12-го ноября на явку действительно, с соответствующим

паролем, прибыл (по неизвестной нам переправе английской разведки), как вскоре выяснилось, белый офицер – секретный сотрудник английской разведки, работающий по линии РОВС и нефтяной секции Торгпрома (ГУКАСОВ).

Указанное лицо было взято под тщательное наружное и внутреннее наблюдение.

16-го ноября, проходя с нашим агентом в 3 часа 35 минут на Ильинке около д. 5/2 против Старо-Гостиного двора, агент случайно встретил Вас и сделал попытку выхватить револьвер.

Как сообщает наш агент, ему удалось схватить за руку ужасного английского разведчика и повлечь за собой, воспрепятствовав попытке.

Тотчас же после этого названный агент англоразведки был нами секретно арестован.

О ходе следствия буду Вас своевременно информировать...

Зам. председателя ОГПУ
(Акулов)"

Конечно, достаточно странно звучит в донесении эпитет "ужасный". Но это вовсе не означает, будто оно основано на непроверенных сведениях.

К данному документу сделана приписка: "О ходе следствия буду Вас своевременно информировать. Фотокарточку арестованного, назвавшегося Огаревым, прилагаю".

Кроме того, на донесение наложена резолюция:

"Членам ПБ (Политбюро. – Авт.). Пешее хождение т. Сталину по Москве надо прекратить. В. Молотов". И еще три подписи: Каганович, Калинин, Куйбышев.

В этой связи можно сделать несколько выводов. Во-первых, Сталин в то время не боялся ходить по Москве с минимумом охраны. Во-вторых, оппозиционеры не ставили себе целью покушение на его жизнь, ибо эту акцию тогда можно было осуществить без особых затруднений и препятствий. В-третьих, для зарубежных спецслужб, готовых осуществить такую акцию, организовать ее было как раз сложно. В-четвертых, советская разведка внимательно следила за теми агентами, которые забрасывались в СССР.

Судя по сообщению, агента на конспиративной квартире встретил законспирированный сотрудник ОГПУ, который (или которая?) сопровождал английского агента и воспрепятствовал покушению. Охрана Сталина (если она там была) вроде бы не знала о попытке теракта. И хотя не исключено, что версия с револьвером была придумана для того, чтобы подчеркнуть грозившую генсеку опасность, обращает на себя внимание то обстоятельство, что покушение, по-видимому, не было подготовлено, а явилось чистой случайностью. Вдобавок, никто из оппозиционеров не был в нем замешан.

Почему же за все долгое правление Сталина на него так и не было совершено хотя бы относительно удачного покушения?

Прежде всего это свидетельствует, пожалуй, о том, что у

его врагов была к нему не столько личная ненависть (хотя она и была), сколько прежде всего вражда на идеологической основе. Наиболее вероятным результатом убийства Сталина стало бы сплочение его сторонников, яростная волна негодования среди рядовых членов партии и части народа. Никаких политических, идеологических выгод из такой акции оппозиция бы не извлекла. Напротив, ей бы грозило полное уничтожение.

Другое дело – зарубежные спецслужбы и враги СССР. Для них сильные потрясения и беспорядки в стране были желательны, а ослабление Советского Союза было только на руку. Однако им трудно было организовать покушение без активной помощи советских граждан и, главное, без помощи кого-то из высокопоставленных лиц.

Иногда пишут, что наиболее последовательным и непримиримым борцом против сталинизма был Троцкий. Но это явное преувеличение. Как пишет Н. Верт: "Отдельные оппозиционеры пытались (в 1926 году. – Авт.) продолжать пропагандистскую работу в первичных партийных организациях, в партячейках на предприятиях и учебных институтах Москвы и Ленинграда... Дискуссии часто заходили в тупик. Боясь, что их обойдут "экстремисты" из "рабочей оппозиции", и опасаясь навлечь на себя гнев всей партии, шесть самых влиятельных деятелей оппозиции – Троцкий, Зиновьев, Каменев, Сокольников, Евдокимов и Пятаков – 16 октября 1926 г. опубликовали настоящее покаяние, где они призна-

вали неправильность своей фракционной борьбы и давали обязательство впредь подчиняться партийной дисциплине".

По словам Н. Верта, противника не только сталинизма, но и большевизма вообще, да и самой коммунистической идеи: "Десять лет спустя, анализируя причины разгрома оппозиции, Троцкий объяснял его "победой сталинской бюрократии над массами". Подобное объяснение не выдерживает проверки фактами..."

Плох, даже безнадежно плох тот политик, которого и сочувствующие ему историки вынуждены признать или некомпетентным (если он не способен верно анализировать причины своих поражений и сопоставлять факты), или лживым. Столь же бездарен, по нашему мнению, анализ Троцкий причин побед Сталина.

Последующие годы Троцкий посвятил не обоснованию и пропаганде своей бредовой идеи мировой революции, а борьбе против Сталина лично (не исключено, что из зависти), его политики и СССР, который в значительной степени стал детищем того же Сталина. При этом Троцкого привлекали в этой борьбе любые союзники, на каких бы идеологических позициях они ни стояли, по принципу: враг моего врага – мой друг.

Правая оппозиция, как представляется, была более осмотрительной. Потерпев поражение в открытых выступлениях, она тоже затаилась. Это была разумная тактика, учитывавшая текущую ситуацию внутри страны. Ведь курс на уско-

ренную индустриализацию и колхозное строительство, на борьбу с кулаком и спекулянтom был сопряжен с огромными трудностями и лишениями народа, с отдельными вспышками открытого недовольства.

Оставалось только дожидаться момента, когда этот курс окончательно зайдет в тупик, вызовет массовые выступления недовольных, голодающих, уставших от ожидания улучшений в своей жизни людей. Этот момент, казалось, вот-вот наступит. Сталин сам признался, что происходит не ослабление, а ожесточение классовой борьбы, увеличение сопротивления капиталистических элементов, и что предстоят новые трудности главным образом в области сельского хозяйства, требующие новых жертв со стороны крестьянства.

Бухарин предлагал вновь отступить и возродить НЭП, вернуться к экономическим и финансовым способам регуляции рыночных отношений; темпы индустриализации, по его мнению, следует привести в соответствие с развитием сельскохозяйственного сектора.

Все это было вполне разумно. Появлялась возможность приглушить "классовую борьбу", обеспечить население жизненно важной продукцией (при необходимости предлагалось закупать хлеб за границей), начать выпуск дефицитных товаров ширпотреба, которые стимулировали бы крестьян к производству и продаже своей продукции.

Осенью 1932 года писатель Михаил Пришвин, у которого сломалась расческа, вдруг убедился, что даже такую ме-

лочь приходится где-то с трудом "доставать". Обдумывая этот мелкий факт, он записал в дневнике: "Вопрос в том, существует прямое вредительство или оно само собой выходит как следствие неверных посылок? Например, как можно предположить, что при обсуждении плана пятилетки вовсе забыли о мне – потребителе. И нынешняя нехватка в "ширпотребе" не есть ли то же самое, что в царской войне явилось в решительный момент как нехватка снарядов... Все вытекало из системы".

О системе – верно, а вот сравнение неудачное. Отсутствие ширпотреба совсем не то, что отсутствие боеприпасов. Тем более страна находилась на военном положении, ожидая агрессии и с Запада и с Востока (и то, и другое было совершено). Политика "пушки вместо ширпотреба" рассчитана на сохранение и безопасность государства, а не на удовлетворение материальных потребностей населения.

К концу этого же года Пришвин записывает: "О пятилетке нет больше лозунгов; не удалось. Общее уныние". А затем: "Новая волна". Каждый раз, когда подходит волна, люди думают: – Вот теперь уж большевикам конец! И каждый раз уходит волна неприметно, а большевики остаются. Теперь наступает голод, цены безобразно растут, колхозы разваливаются, рост строительства приостанавливается..."

Можно предположить, что правые оппозиционеры рассуждали примерно так же. Им не было необходимости вступать в теоретические дискуссии с большинством в партий-

ном руководстве и в партии. Не было никакой необходимости прибегать к опасным террористическим методам. Достаточно было лишь подождать, надеясь на принцип – "история нас рассудит". Советский Союз переживал острый кризис прежде всего в области снабжения населения продуктами питания и ширпотребом, а также в результате социальных перестроек и репрессий.

Нужно ли в такой ситуации покушаться на жизнь новоявленного вождя? Его генеральная линия станет для него же петлей-удавкой!

Такой могла быть точка зрения теоретиков, убежденных в гибельности для страны и партийного руководства, и взятого курса лично товарищем Сталиным. Однако многим желательно было ускорить их гибель, содействовать усугублению кризиса. Как писал в дневнике Пришвин: "Вредитель, конечно, есть, как существо с бесчисленными именами и лицами... общее имя ему Кащей Бессмертный".

И в этом случае политический образ Пришвину не удался. Потому что были, пожалуй, злостные вредители, но в большинстве своем они были стихийными выразителями протеста против проводимой политики, вынуждавшей терпеть страдания, а то и страшные мучения слишком многих безвинных людей. Этим людям действительно можно только сочувствовать.

Пусть, читатель, это не покажется вам диким, но то же самое хотелось бы сказать и о тех, кто сознательно и безогляд-

но проводил в жизнь генеральную линию партии. Большинство из них понимало, на какие мучения обрекается народ. Однако была ли у них какая-нибудь разумная альтернатива взятому курсу?

Обычно считается, что они все, а в особенности Сталин, спасали собственные жизни, стремились удержать в своих руках власть, ради чего и обрекали народ на бедствия и страдания. Однако простая логика подсказывает: ужесточая репрессии, загоняя врагов в подполье, усиливая классовую борьбу, укрепляя социалистическую систему, ее руководители подвергали увеличивающемуся риску свои жизни. Они, можно сказать, вынуждали своих внутренних и внешних врагов прибегать к террористическим методам. И заговоры против Сталина, и покушения на него провоцировала его политика. И он не мог этого не понимать.

История и историки

Говорят, история не терпит сослагательного наклонения. Это верно. Но анализ исторического процесса, разбор тех или иных программ приходится делать, прибегая к этому приему.

Какой вред Сталину и его сообщникам могло принести сползание в правый уклон? Некоторую потерю авторитета в партии? Возможно. Укрепились бы позиции Бухарина как теоретика, только и всего. К 30-м годам положение Сталина

как вождя стало непоколебимым, и он вполне мог себе позволить – как некогда Ленин и ссылаясь на ленинский опыт – возродить НЭП (что он и сделал, но только отчасти, держа ситуацию под контролем).

Эта мера в критической ситуации уже себя оправдала. Ленин сохранил в период НЭПа свое руководящее положение. Почему бы не использовать тот же прием?

Уступки капитализму были выгодны и в отношении внешней политики: можно было рассчитывать на поддержку индустриально развитых держав. (Мы же помним, как активно поддерживали Горбачева и Ельцина руководители капиталистических богатых стран.) Почему бы и Сталину не воспользоваться такой поддержкой в трудное для СССР время?

Тут-то и полезно обратиться к опыту последних двух десятилетий. "Помощь" западных держав оказалась губительной для СССР, который был расчленен. Ну, а что могло произойти в сходной ситуации в 30-е годы? По-видимому, последствия были бы также губительны для России-СССР и для народа. Ведь страна тогда лишь начинала вставать на ноги, и еще только начиналась разведка тех минеральных ресурсов, за счет которых осуществилась индустриализация.

Что же касается руководства, то за свои жизни они могли бы не опасаться. Мы знаем, что те, кто старательно помогал внешним врагам расчленять СССР и разрушать мировую социалистическую систему, добились для себя огромных привилегий и живут как самые настоящие западные миллионе-

ры, только без их забот о сохранении капиталов.

Да и вовсе не обязательно было сталинистам отходить от кормила власти. Ведь не отошли же от него ельцинисты (или, если угодно, ельциники). Объединившись с крупными и средними собственниками, с торговцами, с бизнесменами (своими и зарубежными), правительство вполне могло бы удержать власть в своих руках. Бухарин ведь не предлагал полной реставрации капитализма и перехода к буржуазной демократии!

Конечно, с так называемой диктатурой пролетариата было бы покончено. Промышленный потенциал страны тоже был бы ослаблен, а индустриализация проходила бы вяло. Оборонные возможности страны тоже были бы минимальными. Победа над фашистами была бы невозможной, тогда как фашизм в Европе смог бы распространяться и укрепляться более действенно, чем при мощном СССР.

Можно возразить: зато народ в СССР избежал бы ужасов насильственной коллективизации, репрессивных кампаний, голода начала 30-х. А после улучшения условий жизни населения, появления в обилии продуктов питания и ширпотреба народ стал бы с энтузиазмом и доверием относиться к существовавшей власти, что содействовало бы не только процветанию страны, но и укреплению ее обороноспособности.

Так представляется на первый взгляд.

Общие рассуждения о достоинствах "свободного рынка" полностью опровергаются реальностью и элементарны-

ми рассуждениями. Подумайте, что выгодно производителю зерна при свободных ценах? Установить цены максимальные. Выгодно также придержать зерно до той поры, когда цена на него естественно возрастет. Наконец, когда есть возможность торговать с иноземным покупателем, то выгодно продать зерно ему, если он назначает более высокую цену, чем установленная на внутреннем рынке.

Кстати, в 90-х годах XX века россияне смогли убедиться в "благах" свободного рынка: цены тотчас подскочили вверх, производство резко сократилось, появилось множество безработных, нищих и бедняков, смертность населения неимоверно возросла. Наступило некоторое прозрение даже у того, кто проводил соответствующие "реформы", – Е.Т. Гайдара, который написал в 1995 году: "Несомненная правда, что большинство стран с рыночной, капиталистической экономикой пребывают в жалком состоянии, застойной бедности. Они куда беднее, чем Россия, лишь вступающая на рыночный путь..."

Как-то даже неловко, что этот "теоретик" не знал подобной истины, принимаясь калечить российское народное хозяйство и восклицая при этом о великих достоинствах "рыночной экономики". Теперь уже на этом пути Россия достигла "жалкого состояния застойной бедности". Но в 30-х годах ее, не имеющую мало-мальски надежного промышленного и культурного потенциала, ожидала бы пропасть.

В середине 80-х годов один из авторов этой книги писал в

статье, что осуществление курса "либерально-рыночных реформ" приведет страну к катастрофе. Для такого прогноза не требовалось проводить сложных теоретических разработок: достаточен был прежде всего здравый смысл, некоторый жизненный опыт и элементарная честность.

Современный американский ученый Артур Шлезингер-младший в книге "Циклы американской истории" убедительно показал, что экономическое благосостояние США зиждется вовсе не на частной собственности, конкуренции и свободном рынке. Он отметил: "Миф о том, что своим развитием Америка обязана неограниченной свободе частного предпринимательства, оказался на редкость живучим. Этот миф одновременно и льстил самолюбию бизнесменов, и служил их интересам. Он оставался главным символом делового мира, лейтмотивом пропаганды монополий".

Помимо всего прочего, надо иметь в виду, что в мировой капиталистической системе все наиболее выгодные и удобные "места под солнцем" уже прочно заняты крупнейшими капиталистическими державами. Можно, конечно, воскликнуть вслед за пламенным трибуном Троцким: "В таком случае мы погасим Солнце!" Однако это представляется еще менее реальным, чем призыв одного из героев Салтыкова-Щедрина закрыть Америку.

Но почему же было необходимо проводить коллективизацию, поставившую страну на грань гражданской войны? Прежде всего потому, что крупные коллективные хозяй-

ства органично вписывались в социалистическую плановую и управляемую централизованно государственную систему. При сохранении частной собственности на продукцию сельского хозяйства и свободы рыночных цен многомиллионные бедные слои населения были бы обречены на голод и вымирание. И если крестьяне-бедняки еще могли бы кое-как существовать, добывая пропитание на своих наделах, то для горожан, рабочих ситуация оказалась бы критической. Учтем, что рабочий класс в тогдашнем обществе был неплохо организован и считался гегемоном. Допустил бы он резкое ухудшение своего материального положения во имя процветания частников, торговцев, кулаков? Вряд ли. Тогда бы, скорее всего, и развернулась полномасштабная гражданская война.

Таков один довод в пользу ненавистной для значительной части крестьян коллективизации. Есть и другой, не менее веский. Позвольте привести выдержку из статьи В.В. Кожина:

"Один из крупнейших представителей русской экономической школы XX века – В.С. Немчинов (1894–1964) еще в 20-х годах показал, что крестьяне, составлявшие к 1913 году более двух третей населения России, продавали всего лишь 14,7 процента производимого ими хлеба, а остальные 85,3 процента потребляли сами. В среднем крестьянское хозяйство поставляло на рынок менее 400 кг хлеба (то есть обеспечивало минимумом хлебного довольствия – 540 граммов

в день всего двух едоков). А это значит, что для преобладающего большинства населения дореволюционной России рынок играл примерно такую же роль, как и в "коммунистической", где ведь крестьяне также продавали какую-то часть выращенного ими на приусадебных участках и полученного на "трудодни".

Разумеется, были в дореволюционной России крупные хозяйства, работавшие именно на рынок, но не забудем, что крестьяне и в 1905–1907, и тем более в 1917–1918 годах с большим энтузиазмом уничтожали их. Так что ликвидация рынка (в собственном, точном смысле этого экономического феномена) – во всяком случае, рынка продовольствия – свершилась, если угодно, и по воле крестьянства, а не только коммунистов..."

Учтем и то, что современное производительное сельское хозяйство основано на использовании машин и механизмов, удобрений, мелиорации почв, научно разработанных приемов и методов. Доступно ли все это мелкому частнику? Или, как теперь любят говорить, фермеру? Нет, не доступно, если еще учесть расходы на транспортировку, добычу и доставку удобрений, на горючее...

Полезно помнить и о том, что в дореволюционной России бывали периоды страшных и опустошительных голодов в крупных регионах. Индустриализация сельского хозяйства позволяет бороться с этой бедой наиболее эффективно.

Если вернуться к ситуации 30-х годов в СССР, то необ-

ходимость коллективизации любой ценой определялась, по-видимому, прежде всего стремлением спасти от голода значительную часть рабочих и служащих, избежав тем самым гражданской войны: ведь с крестьянскими бунтами справиться много легче, чем с организованными выступлениями пролетариата. То есть правительство выбирало из двух зол наименьшее.

Какой-то иной, прекрасный во всех отношениях курс, на-верное, есть, но он остается в области умозрений и фантастики.

Создание крупных коллективных хозяйств было вызвано не "идейным заскоком" Сталина, а насущной необходимостью сохранить государство и укрепить его промышленность (в значительной степени, конечно, за счет крестьян).

Другое дело, к каким методам нередко прибегали "посланцы партии", осуществляя коллективизацию. Обо всем этом правдиво написал Михаил Шолохов в "Поднятой целине", а еще откровенней и с огромным возмущением – в двух письмах Сталину в апреле 1933 года. "Сейчас умирают от голода колхозники и единоличники; взрослые и дети пухнут и питаются всем, чем не положено человеку питаться, начиная с падали и кончая дубовой корой и всяческими болотными кореньями", – писал он, приводя примеры преступных методов, которыми "выколачивалось" зерно, оставленное крестьянами на собственные нужды (а кем-то и для последующей продажи по завышенным ценам, добавим от

себя). "Только на Вас надежда", – завершил перечень бедствий народа таким криком души Шолохов.

Надежда эта в немалой степени оправдалась. В ответном письме Сталин, перечислив принятые меры для улучшения ситуации (в частности, были посланы в район и область десятки тысяч пудов ржи, – стало быть, резервы у правительства имелись), отметил:

"Я поблагодарил Вас за письма, так как они вскрывают болячку нашей партийно-советской работы, вскрывают то, как иногда наши работники, желая обуздать врага, бьют нечаянно по друзьям и докатываются до садизма. Но это не значит, что я во всем согласен с Вами. Вы видите одну сторону, видите неплохо. Но это только одна сторона дела. Чтобы не ошибиться в политике (Ваши письма – не беллетристика, а сплошная политика), надо обзреть, надо уметь видеть и другую сторону. А другая сторона состоит в том, что уважаемые хлеборобы вашего района (и не только вашего района) проводили "итальянку" (саботаж!) и не прочь были оставить рабочих, Красную Армию без хлеба. Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови), – этот факт не меняет того, что уважаемые хлеборобы по сути дела вели "тихую" войну с Советской властью. Войну на измор, дорогой товарищ Шолохов...

Конечно, это обстоятельство ни в какой мере не может оправдать тех безобразий, которые были допущены, как уверяете Вы, нашими работниками. И виновные в этих безоб-

разиях должны понести должное наказание. Но все же ясно, как божий день, что уважаемые хлеборобы не такие уж безобидные люди, как это могло показаться издали.

Ну, всего хорошего и жму Вашу руку. Ваш И. Сталин".

Если объективно взглянуть на всю ситуацию, то приходишь к мнению, что значительная доля правды есть у всех: и у Шолохова, и у крестьян, и у Сталина, и даже у зарвавшихся представителей властей, стремившихся выколачивать хлеб любой ценой и даже, как мы знаем, ценой собственной жизни, ибо их репрессивные меры порой встречали самое ожесточенное сопротивление. И все-таки в наибольшей степени прав оказался Сталин. Он с предельной деликатностью и очень по-деловому отозвался на письмо великого писателя, в ту пору сравнительно молодого человека (28 лет). Усматривать в его словах и поступке дьявольскую хитрость – значит не уметь отличать подлость от честности.

...История не терпит сослагательного наклонения. А потому, если наши рассуждения привели к признанию неизбежности принимавшихся крутых мер в партийном и государственном строительстве, если именно этот результат подтвердил и неопровержимый опыт истории, значит, он объективен не только теоретически, но и практически, не только в умозрении, но и в реальности. Только так Советский Союз окреп, выстоял и победил в войне с фашизмом.

Глава 2

Противостояние

Самые серьезные намерения

Критики сталинизма подчеркивают то, что оппозиционеры лишили права свободно обсуждать и, тем более, осуждать политику Сталина, высказывая собственное мнение. Но это либо заблуждение, либо преднамеренная ложь.

Дело в том, что до весны 1929 года Бухарин был главным редактором "Правды" – центрального органа партии, а также руководил (до июля) Коминтерном. 30 сентября 1928 года он опубликовал в "Правде" свои "Заметки экономиста", излагая программу правой оппозиции. Он указал на допущенные руководством страны ошибки, и никто его за это открытое выступление не наказывал.

В октябре того же года Троцкий призвал коммунистов всех стран на борьбу с политикой Сталина (в Коминтерне у него было немало сторонников). Только после этого Политбюро, расценив его призыв как переход к антисоветской деятельности, а также имея сведения о его подпольной оппозиционной деятельности, постановило выслать Троцкого за пределы СССР. 21 января 1929 года его отправили в Тур-

цию.

В тот же день в "Правде" появилась статья Бухарина о "Политическом завещании Ленина". Он решительно критиковал сталинский план коллективизации как основанный на принуждении и противоречащий представлениям Ленина о постепенном и добровольном приобщении крестьян к социалистическому строительству. Как пишет Н. Верт (будем ссылаться на антисталинистов): "Эта статья не вызвала особой реакции Сталина. А вот появившиеся на следующий день сообщения, что 11 июля 1928 года имели место контакты Бухарина и Сокольникова с Каменевым, значительно подорвали престиж лидеров оппозиции. Теперь они должны были объясняться перед ЦКК и выслушивать обвинения в "двурушничестве" и "фракционности". Апрельский пленум ЦК партии 1929 года завершил разгром наконец-то публично разоблаченной оппозиции".

Ну, а что еще можно было ожидать? Когда союзник Троцкого Каменев тайно встречается с лидером "правых" Бухариным, это естественно наводит на мысль о том, что они, несмотря на собственные коренные противоречия, готовы объединиться в борьбе за власть против большинства ЦК и лично Сталина. Такая версия веско подтверждается сведениями, приводимыми Джузеппе Боффа:

"В этих условиях Бухарин доверительно сказал своему другу швейцарскому коммунисту и секретарю Коминтерна Жюлю Эмбер-Дро, что он готов пойти на блок со старыми

оппозиционерами и согласился бы даже на использование против Сталина террористических методов".

Значит, со Сталиным уже велась борьба не на жизнь, а на смерть и "слева", со стороны Троцкого, и "справа", со стороны Бухарина и их сторонников.

Вновь предоставим слово Н. Верту: "ЦКК предприняла всеобщую проверку и чистку рядов партии, которая за несколько месяцев привела к исключению 170 тыс. большевиков (11 % партсостава), причем треть из них – с формулировкой "за политическую оппозицию линии партии". В течение лета 1929 г. против Бухарина и его сторонников развернулась редкая по своей силе кампания в печати... На ноябрьском пленуме ЦК полностью дискредитированная оппозиция подвергла себя публичной самокритике. Бухарин был исключен из Политбюро".

Обратим внимание – исключенных оппозиционеров было около 4 %. Кем же были остальные? В большинстве – запятнавшие себя недостойным поведением, стремившиеся к личным выгодам.

Все это укрепило не только единство партии, но и ее авторитет в народе. Как бы ни доказывал Бухарин блага возвращения к НЭПу, для большинства граждан в этом не было ничего заманчивого. Большинство понимало, что выгадают от этого тайные капиталисты, спекулянты, торговцы, зажиточные крестьяне. Призывы Бухарина не нашли отклика в массах.

Как пишет Д. Боффа: "Мощным стимулом для множества людей служила мысль о том, что за короткий срок, ценой изнурительно тяжелых усилий можно создать лучшее, то есть социалистическое будущее... В то время, когда в остальном мире свирепствовал кризис, "молодежь и рабочие России, – как заметил один английский банкир, – жили надеждой, которой, к сожалению, так недостает сегодня в капиталистических странах". Подобные коллективные чувства не рождаются путем стихийного размножения. Несомненно, суметь вызвать и поддержать волну энтузиазма и доверия само по себе немалая заслуга; и эта заслуга принадлежала партии и сталинскому руководству, которое отныне полностью взяло в ней верх. Нельзя отказать в обоснованности рассуждению Сталина, когда он в июне 1930 г. на XVI съезде ВКП(б) заявил, по сути дела выдавая свою сокровенную мысль, что, не будь идеи "социализма в одной стране", не был бы возможен и этот порыв".

Все это справедливо. Надо иметь в виду, что в то время, как промышленность и народное хозяйство в целом в СССР последовательно укреплялись и набирали темпы, в ведущих капиталистических странах наблюдалось падение производства или в лучшем случае застой. Положение трудящихся там было отнюдь не такое прекрасное, как полагают те, кто основывается на данных второй половины XX века. Капиталистические страны сотрясали кризисы. Примером для трудящихся всего мира в 30-е годы богатая, нажившаяся

на Первой мировой войне Америка, впадшая в депрессию, могла служить в меньшей степени, чем полунищая Россия (СССР), набирающая темпы социалистического строительства. Не случайно поддерживали социалистическое строительство и политику Сталина такие разные люди, но все трое, крупнейшие писатели XX века: М. Булгаков, М. Шолохов, А. Платонов. Они понимали, что у советского (русского) народа в той исторической ситуации это был единственно возможный способ сохранить свою страну и культуру. Самое удивительное, что нечто подобное создавали и почти все крупнейшие деятели культуры капиталистических государств.

Мы еще коснемся этой темы. А теперь еще раз подчеркнем: оппозиция была лишена опоры как на партийные массы, так и на трудящихся. Крестьяне если и были недовольны – в разной степени, вплоть до лютой ненависти, – советской властью, то оставались неорганизованными. Им приходилось вести тяжелейшую борьбу за выживание, и разбираться в политических проблемах было некогда, да и непривычно.

Когда в 1929 году было начато активное колхозное строительство и наступление на кулака, отпор был очень сильный, потому что зажиточных крестьян поддерживали их родственники. Считалось, что в стране было около миллиона кулацких семей (примерно 5 млн. человек), но вместе с сочувствующими это уже было не менее 15–20 млн. человек. Да и остальные крестьяне, за исключением немногих, глав-

ным образом из числа молодежи, были настроены по отношению к колхозам по меньшей мере настороженно, стараясь все лучшее оставлять в личном владении.

Все это происходило не столько от "темноты" малообразованной и привыкшей к традиционным ценностям крестьянской массы, но и по объективным причинам. Если крестьянин снабжал горожан реальными продуктами, жизненно необходимыми, то город, промышленность не были еще в состоянии обеспечить крестьян хотя бы ширпотребом, не говоря уж о комбайнах, тракторах, удобрениях.

В 1929 году в СССР было выпущено 3300 тракторов и ни одного комбайна. Закупать сельхозтехнику за рубежом было накладно, да и на какие средства? Если бы еще деньги были обеспечены товарами, золотом, крестьяне были бы заинтересованы в их накоплении. А так деньги были ничем не обеспечены, это лишь бумажки, из техники – почти одни обещания, промышленных товаров мизерное количество, а вот обещаний и лозунгов – сколько угодно!

Идеологические стимулы для крестьян, в отличие от рабочих, не имели серьезного значения. Тем более что начиная со времен Гражданской войны и военного коммунизма крестьяне привыкли бояться вооруженной власти, а не доверять ей. Прокормить себя можно было, а вот кормить других, да еще за пустые посулы, крестьянину не было резона.

Примерно такая, схематически, складывалась ситуация в сельском хозяйстве. И чтобы изменить ее коренным обра-

зом, требовались решительные и крутые меры. Надо было спасти от голода рабочих и Красную армию.

Подчеркивая массовое сопротивление коллективизации, Д. Боффа пишет: "Раз его заставляли вступить, крестьянин подчинялся, но в коллективное хозяйство он собирался принести возможно меньше. Тайный забой скота начался летом 1929 года. В последующие месяцы он приобрел немыслимый размах, достигая порой катастрофических размеров. Да, впрочем, у молодых колхозов не было еще коллективных коровников и конюшен. Крестьянин стал набивать утробу мясом. Он резал коров, телят, свиней, лошадей – всё. Несмотря на то, что январское постановление 1931 года угрожало высылкой и конфискацией имущества за хищнический убой скота, он продолжался в течение всей коллективизации и был одним из самых тяжелых ее последствий.

Соппротивление к тому же не было лишь пассивным. По селам вновь загулял "красный петух" – поджог, оружие всех крестьянских бунтов в России. В 1929 году по одной только РСФСР было зарегистрировано около 30 тысяч поджогов, то есть без малого по сотне в день. На Украине в том же году было отмечено в четыре раза больше "террористических актов", то есть эпизодов вооруженного насилия, чем в 1927 году. Порой троцкисты и бухаринцы провоцировали крестьянские восстания, чтобы на их волне свергнуть сталинское руководство.

Однако это наступление на крестьянство не было, как мы

знаем, материально подготовлено, да и организационно тоже не продумано всерьез.

В "Правде" от 2 марта 1930 года появилась статья Сталина "Головокружение от успехов". Он писал о значительных успехах колхозного движения и о том, что "коренной поворот деревни к социализму можно считать уже обеспеченным". Но он отдавал себе отчет, что на этом крутом повороте можно напрочь разорвать связи партии и рабочих с крестьянами. Вряд ли он верил в головокружительные успехи, нормальные достижения вскрыли поистине головокружительные проблемы и противоречия. Поэтому он подчеркнул необходимость добровольной коллективизации с учетом местных особенностей.

"Дразнить крестьянина-колхозника "обобществлением" жилых построек, всего молочного скота, всего мелкого скота, домашней птицы, когда зерновая проблема еще не разрешена, когда артельная форма колхозов еще не закреплена, – разве не ясно, что такая "политика" может быть угодной и выгодной лишь нашим заклятым врагам?.. Я уж не говорю о тех, с позволения сказать, "революционерах", которые дело организации артели начинают со снятия церковных колоколов".

Спустя ровно месяц он вновь вернулся к поднятой теме, еще определеннее подчеркивая перегибы в ходе колхозного строительства, а также необходимость своевременно произвести сев. Руководители на местах умили свой "колхозный

энтузиазм", и многие крестьяне, воспользовавшись принципом добровольности, покинули артели. Так или иначе, но посевная кампания прошла успешно, а год 1930 оказался благоприятным для урожая зерновых. За счет целины в ряде совхозов были получены неплохие урожаи, подтвердившие рентабельность крупных хозяйств. Однако в дальнейшем укрупнение совхозов стало давать отрицательный результат, а общее производство зерна уменьшилось.

При первых же недородах (а неурожайным стал уже 1931 год) колхозы стали расшатываться, а колхозники – заботиться о личном благосостоянии, при случае присваивая обобщественную собственность. В противовес этому процессу был принят жесткий закон, направленный против хищений в колхозах и совхозах, в котором предусматривались самые жестокие кары – вплоть до расстрела.

К этому времени в стране было покончено с безработицей – не только на словах, но и на деле, в чем вновь проявилось преимущество социалистической системы перед капиталистической. Некоторые историки говорят о скрытой безработице, но с ними трудно согласиться. При развороте интенсивного индустриального строительства (к тому же, добавим, при низкой заработной плате и достаточно высоком энтузиазме масс) избытка в рабочей силе быть не могло. Правительство даже издало постановление, обязывавшее колхозы не препятствовать переходу на другое место работы.

А вот положение в деревне после очередного неурожайно-

го года стало критическим. Многие хозяйственные крестьяне были не только раскулачены, но и переселены, депортированы, а то и заключены в тюрьмы и лагеря. В общем, число их было не меньше 2 млн. и вряд ли больше 5 млн. Цифры, конечно, огромные.

Наиболее страшным испытанием стал голод зимой 1932–1933 годов. Количество погибших от голода и болезней составило, скорее всего, около 3 млн. (называют цифры от 1 до 6 млн.). Во всяком случае, с 1932 до 1937 года население страны, в отличие от предшествующих и последующих мирных лет, практически не увеличилось. Впрочем, эти данные требуют проверки, иначе последующий рост населения до 1941 года получается чересчур быстрым.

Это бедствие было вызвано не только природными факторами, сильными засухами в южных районах, но прежде всего проводимой политикой коллективизации и административного давления на крестьян. Это была, можно сказать, малая крестьянская война. Участвовали в ней все – от Сталина до самых бедных крестьян. Но в то же время вина каждого определялась почти исключительно объективными обстоятельствами. Строительство общества нового типа было неизбежно сопряжено с немалыми жертвами. Отказ от этого строительства и возврат к НЭПу, как мы уже говорили, грозил еще более страшными последствиями.

Из двух (или трех) зол было выбрано наименьшее. При страшных невзгодах страна выстояла, разруху и развал уда-

лось предотвратить.

Правда, промышленное производство выросло примерно на 5 % – втрое меньше, чем планировалось, но все-таки больше (в процентном выражении), чем в других странах. Тем более что в 1932–1933 годах США пребывали в кризисе.

То, что страна пока еще выдерживала и преодолевала трудности в сельском хозяйстве, еще не гарантировало ее от скорого краха. Ведь задачи, стоявшие перед ней, были фантастическими. В начале 1931 года Сталин сказал: "Задерживать темпы – это значит отстать. А отсталых быют... Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут".

Пробежать со скоростью спринта явно стайерский отрезок и не рухнуть уже в начале пути? Как поверить в выполнимость поставленной задачи?

Создается впечатление, что Сталин был готов насмерть загнать русский народ в этой сумасшедшей гонке. А его "правые" противники, и прежде всего Бухарин, пытались противостоять столь губительной линии.

Нечто подобное предполагали Э. Вериго и М. Капустин в статье "Гибель и воскресение Николая Бухарина": "По нашему мнению, это был идейный спор, писали они, – в высочайшем (полузабытом) смысле этого слова – Бухарина – со Сталиным... Спор Жизни со Смертью, Христа с Сатаной... Сталин – еще более крайний, еще худший революционист,

чем Троцкий, одним словом Сатана... Так что Париж-36 для Бухарина, находившегося тогда на вершине славы (его знал уже весь Запад) и семейного счастья (любви последней, особенно жгучей от тяжелых предчувствий), – это не столько "Булонский лес", сколько "Гефсиманский сад". Наверное, у него была здесь своя минута "моления о чаше", и он мог бы выбрать жребий жизни, но он выбрал иной".

Если учесть, что М. Капустин доктор философских наук (Вериго драматург), то весь этот пассаж выглядит диковато, даже если учесть их благородное намерение высветить образ Бухарина, а заодно и очернить злодея Сталина. Тут не учитываются святотатственное сопоставление Бухарина с Христом (тем более, если вспомнить его собственное сравнение себя с Антихристом) и явное расхождение с Евангелием (не было спора Христа с сатаной, если не считать эпизода искушения в пустыне). Кстати, в воспоминаниях, кажется, В.В. Шульгина с сатаной сравнивался Троцкий.

Ну, а если оставить эти придирки и обратиться к сути дела? Тогда можно вспомнить, что на процессе 1937 года Бухарин признал себя виновным в измене социалистической родине, в принадлежности к подпольной антисоветской организации. "Я говорил и повторяю сейчас, – заявил он, – что я был руководителем, а не стрелочником контрреволюционного дела" и "виновным в злодейском плане расчленения СССР".

Его признание звучит странно (тем более, что он факти-

чески предавал и своих последователей, учеников и соратников, которые тоже – с его слов оказывались в антисоветском лагере). Но ведь он не согласился с некоторыми пунктами обвинения. Это очень показательно. Если бы он клеветал на себя, то имело смысл делать это с максимальными преувеличениями, доходящими до абсурда, огульно соглашаясь с обвинением. Тогда бы иностранные независимые наблюдатели, присутствовавшие на процессе, могли бы с полным правом усомниться в его искренности.

Вернемся на три года назад, когда на XVII съезде ВКП(б) Бухарин заклеил правый уклон свой и своих сподвижников: "Группировка... к которой я когда-то принадлежал... неминуемо становилась центром притяжения всех сил, которые боролись с социалистическим наступлением, т. е. в первую очередь наиболее угрожаемых со стороны социалистического наступления кулацких слоев, с одной стороны, их интеллигентских идеологов в городах – с другой". Более того, победа "правых", по его словам, "ослабила бы до крайности позиции пролетариата, привела бы к преждевременной интервенции, которая уже нащупывала своими щупальцами слабые и больные места, и следовательно, к реставрации капитализма" (отметим: вполне правдоподобная картина).

Наконец, полезно вспомнить, что в этой речи Бухарин называл Сталина "наилучшим выразителем и вдохновителем партийной линии", который "был целиком прав, когда раз-

громил... целый ряд теоретических предпосылок правого уклона..." И еще: "Предпосылкой победы нашей партии явилась выработка Центральным Комитетом и товарищем Сталиным замечательно правильной генеральной линии".

Перечень покаяний в своей антисоветской деятельности и восхвалений Сталина можно было бы продолжить. Все это никак не вяжется с образом Христа, но более смахивает на Антихриста. Правда, в своем саморазоблачении Бухарин не дошел до последней черты, как Каменев, заявивший: "Я хочу сказать с этой трибуны, что считаю того Каменева, который с 1925 по 1933 год боролся с партией и с ее руководством, политическим трупом, что я хочу идти вперед, не таща за собою по библейскому (простите) выражению эту старую шкуру".

Возможно, подобные покаяния вызваны были боязнью репрессий. В любом случае их высказывания никак не отвечают тем иконописным образам, под которые рисуют их некоторые публицисты. Как тут не вспомнить благородные слова молодого коммуниста Павла Когана: "Нас не надо жалеть. Ведь и мы никого не жалели".

Не исключено, что раскаяние их было внешним (тактическим приемом в борьбе за власть). Тем сильнее становилась их ненависть к тем, перед которыми пришлось унижаться.

Если эта ложь была во имя сохранения своего привилегированного положения, из лицемерия и подхалимажа, ради личных выгод и боязни репрессий (учтем, что смертная

казнь тогда, в 1934 им не угрожала), то эти люди выглядят, как говаривал незабвенный Паниковский, жалкими ничтожными личностями.

Все-таки хочется думать, что у них оставался "идейный камень" за пазухой, и они надеялись в следующий раз, когда сталинская политика полностью обанкротится, перейти в наступление и взять реванш. В пользу этой версии свидетельствуют некоторые факты, которые мы обсудим в дальнейшем.

Характерная деталь: в своем "покаянном" выступлении Зиновьев привел слова Сталина, однажды сказавшего ему: "Вам в глазах партии вредили и вредят даже не столько принципиальные ошибки, сколько то непрямодушие по отношению к партии, которое создалось у вас в течение ряда лет". Справедливое замечание. И если и на этот раз раскаяние оппозиционеров было притворным, то это должно означать, что они выступили в последний и решительный бой против Сталина и его сторонников; в этом случае они пошли на огромный риск, но по идейным соображениям и надеясь на то, что СССР потерпит поражение или из-за внутреннего разлада, или в результате внешней агрессии, которую, безусловно, поддержали бы немалые силы внутри страны.

Бухарина сближало с Троцким неверие в русский народ и нелюбовь к нему, а потому его симпатии к зажиточным крестьянам, которых он призывал к обогащению, определялись, по-видимому, политическими соображениями. Ведь он пи-

сал вполне определенно: "Реакционные собственнические, религиозные, националистические и хулиганские элементы поэзии Есенина закономерно стали идеологическим знаменем контрреволюции, сопротивляющейся социалистической реконструкции деревни". Русских он называл "нацией Обломовых" и клеймил рабское азиатское прошлое России. Как можно было всерьез верить в то, что такой народ действительно способен на великие исторические деяния?!

Справедливости ради надо сказать, что подобное мнение было достаточно широко распространено среди руководства партии еще с ленинских времен. На это указывает и тот факт, что в руководящих органах партии и страны русские были представлены в меньшинстве. Это особенно поражает, если учесть, что речь идет о нации, составляющей основу страны, государствообразующей и единственной, обладающей культурой мирового значения. (Это не шовинизм, а факт!)

Кстати, примерно на позициях Бухарина в "национальном вопросе" стоял Демьян Бедный (Придворов). В письме к нему Сталин в конце 1931 года высказал свое возмущение: "Вы стали возглашать на весь мир, что Россия в прошлом представляла сосуд мерзости и запустения... что "лень" и стремление "сидеть на печке" является чуть ли не национальной чертой русских вообще... Нет, высокочтимый т. Демьян, это не большевистская критика, а КЛЕВЕТА на наш народ, РАЗВЕНЧАНИЕ СССР, РАЗВЕНЧАНИЕ пролетариата СССР, РАЗВЕНЧАНИЕ русского пролетариата... И

Вы хотите, чтобы я молчал из-за того, что Вы, оказывается, питаете ко мне "биографическую нежность!"

Сталин верил в русский народ. И русский народ – как целое – верил в Сталина. Именно это доказала Великая Отечественная. Хотя в начале 30-х годов немалая часть населения СССР не имела веских оснований доверять ему или была ему враждебна, что вполне естественно.

Народ пошел за партией и за Сталиным не потому, что его подгоняли штыки и нагайки, не из страха и по рабской подлой своей натуре, а только потому, что это был единственный путь к спасению. Такова наша версия. Иначе отечество было бы расчленено на части, а народ был бы превращен в тупое и покорное новым хозяевам "быдло". Не случайно же и левотроцкистские, и правобухаринские уклонисты считали его таковым. Именно Троцкий предлагал создать из страны единый трудовой концентрационный лагерь, а Красную армию превратить в передовой и обреченный на гибель штурмовой отряд мировой революции.

Еще раз повторим: политика Сталина в наибольшей степени объективно отвечала подсознательной борьбе русского (советского) народа за самосохранение, за свое достоинство, за свою Родину. Только этим можно сколько-нибудь убедительно объяснить его успехи. Или тогда придется признать его достижения чудом, проявлением поистине всевышней воли.

Две судьбы

2 ноября 1929 года, за день до смертного приговора, находясь в камере внутренней тюрьмы на Лубянке, этот человек писал последнее свое послание: "Родился в 1900 году в марте месяце в бедной еврейской семье. Отец мой, бывший ранее рабочим лесных фирм в Полесье, ко времени моего рождения стал мелким коммерсантом..."

За 29 лет своей жизни он стал известен не только на родине. Знаменитый поэт Николай Гумилев некогда не без гордости написал о нем: "Человек, среди толпы народа застреливший императорского посла, подошел пожать мне руку, сказать, что любит мои стихи". Правда, убийство произошло в помещении Германского посольства, и посол Мирбах был взорван гранатой, и не толпа была, а два террориста против безоружного посла, а также двух его сотрудников...

Таков был этот настоящий авантюрист от революции, бывший и левым эсером, и большевиком, сотрудником Троцкого, и работником ОГПУ.

И вот 3 ноября Коллегия ОГПУ постановила: "За повторную измену делу Пролетарской революции и Советской Власти и за измену революц. чекистской армии Блюмкина Якова Григорьевича РАССТРЕЛЯТЬ".

Потрясающая быстрота процесса: ордер на его арест был выдан 31 октября, за подписью зам. председателя ОГПУ Г.

Ягоды. Скоротечность тем более странная, если учесть, что Блюмкин сразу же стал давать весьма интересные показания о тайных встречах в Турции с Троцким и его сыном, а в заявлениях секретных агентов и знакомых Блюмкина были указания на то, что он готовился к каким-то важным мероприятиям в СССР.

Вот выписки из двух донесений Б. Левина, члена редакции журнала "Чудак":

"Я узнал следующее, что Я. Блюмкин приходил к моим знакомым, хвастался о своей связи с оппозицией (знакомые беспартийные), говорил, что его преследует О.Г.П.У., просил у них приюта и ночевал в ночь на 15-е. Просил разменять доллары, причем, открывая портфель, видна была у него куча долларов..."

"Вчера 15/Х в 3 часа ночи я был вызван на квартиру к Идельсон (жена художника Фалька) и в присутствии еще двух художниц Рабинович и Назаревской мне было рассказано, что Яков Блюмкин, 14 с/м явился к ним и просил гр. Идельсон спасти его от ГПУ. Он говорил, что его преследуют, что "кольцо суживается". Что он является представителем оппозиции в ГПУ..."

Очень важное признание. Оказывается, в ОГПУ существовала тайная оппозиция существующей власти! Уж не по этой ли причине некоторые руководящие работники этой организации поторопились отправить на тот свет одного из тех, кто, возможно, кое-что знал об этом заговоре? В том же

письме-доносе Левин сообщил: "Когда ему сказали, что оппозиционеров не расстреливают, он ответил – вы не знаете, тех, которые работают в ОГПУ, расстреливают".

Действительно, политикам, состоявшим в "левой оппозиции", была уготована в худшем случае ссылка, во время которой они могли занимать достаточно высокие посты в местных учреждениях и получать немалое довольствие. Чтобы не быть голословными, приведем свидетельство Я. Меерова, участника социал-демократического движения 20-х годов и побывавшего в ссылках, о положении репрессированных троцкистов в 1928 году: "Это были скорее не ссыльные, а опальные вельможи, которые соответственно себя и вели... Если, например, безработные ссыльные социалисты получали 6 р. 25 к. месячного пособия, то ссыльные оппозиционеры получали не то 70 р., не то даже больше".

Но, может быть, отчаянный авантюрист Блюмкин не мог бы выдать своих сообщников из ГПУ (если он что-то о них знал)? В этом есть основание усомниться. Е.В. Горская, работавшая в ОГПУ, за которой Блюмкин ухаживал, в своем рапорте начальнику Секретного отдела Я.С. Агранову сообщила, между прочим: "Тут я уже окончательно убедилась в том, что он трус и позер и не способен на большую решительность... Он заявил мне, что решил не идти "ни туда, ни сюда", что у него на это не хватает силы воли, что тяжело погибать от рук своих же, что товарищи его не поймут и что он решил исчезнуть на время..."

Не совсем ясно, почему запаниковал Блюмкин. Возможно, порученное ему дело было слишком ответственным и рискованным (не стоял ли вопрос о покушении на Сталина, которое прославленный террорист мог бы, по мнению левых, осуществить?)? Зачем он рассказал о своих встречах с Троцким крупным партийным деятелям (и оппозиционерам) К.Б. Радеку (Собельсону) и И.Т. Смилге? И почему они не заявили о его откровениях в соответствующие органы?

Вопросов возникает немало. По словам Блюмкина, его встреча в Константинополе с сыном Троцкого Львом Седовым произошла случайно, в чем нетрудно усомниться. Затем были долгие беседы с самим Львом Давидовичем и его сыном. О чем? Блюмкин успел написать об этом лишь в нескольких словах. Значит, у него были в запасе важные сведения, которые он, пожалуй, припас про запас, рассчитывая, что его будут и далее допрашивать, и тогда появится возможность сохранить свою жизнь с помощью выдачи ценной секретной информации. Но этого-то и могли опасаться высокопоставленные оппозиционеры в ОГПУ! Не потому ли они поспешили приговорить Блюмкина к расстрелу?

То, что его задание, полученное от Троцкого, было нешуточным, свидетельствует не только его паника, но и крупная сумма денег, о которой сообщали все доносители: по-видимому, тысячи долларов и немало рублей. А ведь Блюмкин находился на секретной службе и не был беден.

Кстати, откуда были у Троцкого такие суммы? И почему

его не убили в Турции белогвардейцы? Ведь у них для такой акции были все основания, да и вряд ли это было бы трудно сделать. И почему Троцкие с таким абсолютным доверием отнеслись к Блюмкину, хотя знали о его работе в ОГПУ?

Чем пристальнее всматриваешься в обстоятельства последней авантюры Блюмкина и его смерти, тем больше возникает вопросов. Ответ на них в общих чертах представляется таким: Троцкий являлся одной из центральных фигур крупного заговора, в котором прямо или косвенно участвовали зарубежные и внутренние враги того курса, который проводила сталинская партийная группировка. В заговоре принимали участие – на первых порах пассивное некоторые крупные работники ОГПУ, и в их числе скорее всего Генрих Ягода.

Почувствовав, что ему грозит разоблачение, Блюмкин запаниковал, но решил продолжить "игру", выдавая несущественные детали своей антипартийной (точней, антисталинской) деятельности и постепенно выведывая, что еще известно в ОГПУ о нем как участнике заговора именно в рядах этой тайной организации. Полагая, что допросы будут продолжены, он давал дозированные показания, выгадывая время. Но в этом-то и ошибся: он слишком много знал (или мог знать), его показаний боялись какие-то очень влиятельные люди.

Интересно отметить, что в том же 1929 году 11 января был застрелен бывший белогвардейский генерал Я.А. Сла-

Щёв, перешедший на службу в Красную армию и связанный с некоторыми военными руководителями СССР, в частности с М.Н. Тухачевским. Официальная версия: его убийца Коленберг сказал, что отомстил генералу за его зверства ("белый террор") в годы Гражданской войны. Но ведь в ту пору амнистированный Слащёв служил в Красной армии (преподавал). Историк и литературовед В.И. Лосев предположил: "Скорее всего, это убийство было "приурочено" к травле Булгакова (на писателя это преступление не могло не произвести самого тягостного впечатления) и рассмотрению вопроса о "Беге" в верхах". Речь идет о пьесе Михаила Булгакова, в которой один из главных героев генерал Хлудов "списан" со Слащёва. В те годы Булгаковым вплотную интересовались ОГПУ и лично Г. Ягода, а "Бег" обсуждался на заседании Политбюро ЦК ВКП(б).

Трудно поверить, что столь громкое убийство было совершено на "литературной" почве. Более правдоподобно предположение, что Слащёва пытались привлечь к тайной оппозиции (ведь была еще и явная, о которой обычно ведется речь) и, получив его отказ или отметив его колебания, вынуждены были поскорее избавиться от него. Почерк просматривается тот же, что и в деле Блюмкина.

В то же время была развернута такая травля Булгакова, которая имела целью уничтожить его как писателя и драматурга или даже привести к самоубийству. В этой травле принимали активнейшее участие не только литературные кри-

тики, но и председатель Главреперткома Ф. Раскольников, драматурги В. Киршон и Билль-Белоцерковский. Кстати, последний написал письмо Сталину с доносом на Булгакова. В ответе от 2 февраля 1929 г. (впервые опубликованном в 1949 году) Сталин отметил: "Я считаю неправильной саму постановку вопроса о "правых" и "левых" в художественной литературе (а значит и в театре)... Странно было бы... применять эти понятия к такой непартийной и несравненно более широкой области, как художественная литература, театр и пр.". Сталин достаточно твердо защищал "Бег" и его автора от наветов Билль-Белоцерковского, предлагая, не без скрытой иронии, вступить в соревнование с Булгаковым и представить пьесы лучшего качества, более интересные и более художественные, чем у него, "ибо только в обстановке соревнования можно будет добиться сформирования и кристаллизации нашей пролетарской художественной литературы". О пьесе "Дни Турбиных" он сказал, что это "есть демонстрация всепокрушающей силы большевизма".

Иногда считается, что Сталин уже тогда был всемогущ (каким он не был, пожалуй, никогда) и под его руководством совершалось все то, что происходило более или менее существенного в стране. Чтобы понять, что это было далеко не так, что многими событиями – в частности травлей Булгакова руководили его противники, достаточно обратиться к стенограмме встречи в феврале 1930 года делегации украинских писателей со Сталиным. При этом генсек старался

оставаться в рамках литературно-просветительской дискуссии, а впервые приехавшие к нему на прием украинские писатели упорно переводили русло разговора на проблемы политики и главным образом "контрреволюционного" творчества Булгакова.

А. Десняк заявил: "Когда я смотрел "Дни Турбиных", мне прежде всего бросилось то, что большевизм побеждает этих людей не потому, что он есть большевизм, а потому, что делает единую неделимую Россию. Эта концепция, которая бросается всем в глаза, и такой победы большевизма лучше не надо".

Можно представить, какая волна возмущения накатила на Сталина. Выходит, эти люди – за расчлененную Россию?! Они же враги государственности Российской! Однако он не выдал негодования и продолжал защищать Булгакова: "Там изображены русские люди – Турбины и остатки из их группы, все они присоединяются к Красной Армии как к русской армии. Это тоже верно (Голос с места: "С надеждой на перерождение".) Может быть..."

Сталин вынужден выступить в непривычной для него роли оправдывающегося, верней, оправдывающего писателя от злобного наскока на него коллег-литераторов. В конце он не выдержал и раздраженно спросил: "Вы что хотите, собственно?" И тогда приезжие с Украины потребовали снять пьесу Булгакова и взамен поставить пьесу Киршона о бакинских комиссарах, добавив, что это единодушное мнение и ради

него они совершили "проникновение в Москву".

Вновь Сталин вынужден был защищаться: "...Легко снять и другое, и третье. Вы поймите, что есть публика, она хочет смотреть... (сам он много раз смотрел эту пьесу. – Авт.) Вы требуете от Булгакова, чтобы он был коммунистом, – этого нельзя требовать..." Дискуссию вынужден был прервать присутствовавший здесь же Каганович, по-видимому, ощутивший раздражение Сталина. (Можно добавить, что в последующие годы почти все из числа присутствовавших на этой встрече писателей, а также тех, кто травил Мастера, были репрессированы (Воланд в булгаковском романе "Мастер и Маргарита" был той темной силой, которая свершала свой суд, во многом справедливый и направленный не столько против личных врагов, сколько против врагов "общего дела".)

Надо отметить, что Сталин сыграл в судьбе Булгакова примерно ту же роль, что и Воланд в судьбе Мастера. В конце марта 1930 года он писал в письме Правительству СССР: "Ныне я уничтожен". Неожиданно для него последовал телефонный звонок Сталина. Генсек сказал: "Мы Ваше письмо получили. Читали с товарищами. Вы будете по нему благоприятный ответ иметь... А может быть, правда – Вы проситесь за границу? Что, мы вам очень надоели?"

После недолгой растерянности писатель ответил:

– Я очень много думал в последнее время – может ли русский писатель жить вне родины. И мне кажется, что не мо-

жет.

– Вы правы. Я тоже так думаю. Вы где хотите работать? В Художественном театре?

– Да, я хотел бы. Но я говорил об этом, и мне отказали.

– А вы подайте заявление туда. Мне кажется, что они согласятся..."

Это было еще одно доказательство нечеловеческой прозорливости Воланда: на следующий день Мастера приняли во МХАТе с восторгом и умилением, тотчас зачислив ассистентом-режиссером.

А вскоре на стол начальника Секретного отдела ОГПУ Агранова легла совершенно секретная сводка, в которой говорилось, что разговор Сталина с Булгаковым стал широко известен в интеллигентских кругах Москвы и горячо обсуждается. В сводке еще говорилось:

"Такое впечатление, словно прорвалась плотина и все вдруг увидали подлинное лицо тов. СТАЛИНА. Ведь не было, кажется, имени, вокруг которого не сплелось бы больше всего злобы, ненависти, мнений как об озверелом тупом фанатике, который ведет к гибели страну, которого считают виновником всех наших несчастий, недостатков, разрухи и т. п., как о каком-то кровожадном существе, сидящем за стенами Кремля. (Точно такое мнение внедрено за последние два десятилетия в сознание масс. – Авт.) Сейчас разговор:

– А ведь СТАЛИН действительно крупный человек. Простой, доступный... Никогда не было никакой кичливости.

А главное, говорят о том, что СТАЛИН совсем ни при чем в разрухе. Он ведет правильную линию, но кругом него сволочь. Эта сволочь и затравила БУЛГАКОВА, одного из самых талантливых советских писателей. На травле БУЛГАКОВА делали карьеру разные литературные негодяи, и теперь СТАЛИН дал им щелчок по носу. Нужно сказать, что популярность Сталина приняла просто необычайную форму. О нем говорят тепло и любовно, пересказывая на разные лады легендарную историю с письмом БУЛГАКОВА..."

Судя по всему, сведения собирал агент, хорошо знавший интеллигентские круги Москвы и относящийся с симпатией к Булгакову. Обращает внимание поворот общественного мнения настолько крутой, что даже те, кто еще недавно ненавидел и презирал Сталина, стали отзываться о нем с восторгом и даже делая обобщения, вовсе не вытекающие из эпизода с Булгаковым: о непричастности Сталина к разрухе.

Несколько странно, что ОГПУ не постаралось по своим каналам позаботиться о том, чтобы всемерно улучшать "имидж", как теперь говорят, Сталина. Сделать это можно было, обеспечив "утечку" информации о письмах Демьяну Бедному и Билль-Белоцерковскому, о беседе с украинскими литераторами и т. п. В этом отношении руководство ОГПУ занимало, по-видимому, в лучшем случае нейтральную позицию.

Нет сомнения, что восторги по поводу защиты Сталиным Булгакова высказывали преимущественно представите-

ли русской творческой интеллигенции. Ведь подавление русской национальной идеи было одним из ведущих идеологических направлений левой оппозиции, так же как идеи великой России-СССР. Такая позиция Сталина определила существование немалого количества его врагов среди руководства партии, правительства, ОГПУ. Но она же обеспечила ему поддержку широких масс партийцев и беспартийных.

Был ли это со стороны Сталина хитрый политический ход: использование в целях сохранения личной власти великодержавного шовинизма, русского национализма? Тем, кто так думает, полезно ознакомиться с многочисленными работами Сталина по национальному вопросу, опубликованными еще до того, как он стал генсеком. В этих взглядах его полностью поддерживал Ленин, который не признавал никогда национализм (несуществующий) великороссов, да и всякое русское национальное проявление. Просто, в отличие от Ленина, Сталин никогда не считал русский народ (или какой-то иной) тупым темным стадом, "быдлом", руководить которым следует представителям других, более высокоинтеллектуальных наций (тем более что таких наций не было и нет!).

30-е годы

Общую характеристику этого периода предельно кратко постарался дать историк Н.В. Стариков в энциклопедиче-

ском словаре "Россия. XX век. Политика и культура" (1999). Эта работа предназначена для студентов, школьников и всех, кто интересуется историей России. Будем основываться на тексте Старикова, с комментариями и критическими замечаниями.

Эти годы в упомянутой монографии названы: "Расцвет большевистской цивилизации". К сожалению, подобная узкая политизация понятия "цивилизация" стала достаточно распространенной. Понятие "цивилизация" несравненно более широкое, чем какие-нибудь дополнительные определения типа "большевистская", "меньшевистская", "социал-демократическая" и т. п. О типах цивилизаций писали многие мыслители, в частности, у нас Н.Я. Данилевский (вслед за ним – немец О. Шпенглер). Но никто, однако, не доходил до такого примитивизма в определении этого понятия.

Какая же могла складываться цивилизация в России после свержения монархии? Научно-техническая, индустриальная – безусловно. Но такая же к тому времени сложилась и на Западе, в США. Там она основывалась на буржуазно-демократических ценностях при господстве капитала. В СССР была официально провозглашена диктатура пролетариата, трудящихся масс, а не капитала. Строй в отличие от капиталистического был назван социалистическим. Вряд ли есть какие-то резоны для отказа от подобных характеристик в пользу вульгарной политизации.

Интересно, что Н.В. Стариков назвал советское общество

миром людей, идущих "навстречу дню". И дальше: "Смешение не утраченных пока иллюзий с искренней убежденностью в их осуществимости. Великая увлеченность. Порывы первооткрывателей (покорение мирового океана, экспедиции на Северный полюс, освоение техники)". К этому добавим: героическое освоение Северного морского пути, труднодоступных районов Севера, Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии. Одни только открытия геологов не имеют аналогов в мире, учитывая кратчайшие сроки и трудности изучения и освоения многих регионов.

"Страх и Вера как основания системы. Жесткость властной вертикали. Мобилизационные формы активности... Стремление "верхов" к обеспечению духовного сплочения народа вокруг задач модернизации. Подавление свободы и совершенство "дисциплинирующего насилия". Изменение функций и символов политической системы. Принятие новой конституции. Утверждение новых советских политических традиций..."

Характерное для перестроечной идеологии очернение этого героического периода в жизни советского общества выразилось здесь в таких понятиях как "страх", "подавление свободы", "насилие". Надо заметить, что при любой цивилизации неизбежно и устрашение определенных групп населения, и подавление свободы (формы и принципы такого подавления изменчивы, но суть остается), и насилие. Странно, что автор не заметил, что выше он говорил о великой увле-

ченности, порыве первооткрывателей, которые как-то не вяжутся с тотальным страхом, насилием и пр.

"...Психология "осажденной крепости". Харизматическое лидерство Сталина, насаждение культа его личности. Волны антибюрократического популизма. Подготовка к восприятию военной угрозы".

Тут все как-то невнятно, уклончиво сформулировано, прямо-таки в духе популизма горбачевско-ельцинского периода. Надо прямо сказать: страна была на положении осажденной крепости, при постоянной угрозе войны. Был культ личности (но, как говаривал Михаил Шолохов, и личность была; насаждался еще более изощренно и упорно культ Хрущева, Брежнева, Горбачева, Ельцина, но ведь народ этого не принял!).

Из других характеристик отметим "Русский поворот" конца 30-х годов. По-видимому, имеется в виду определенное отступление от принципов интернационализма и мировой революции к политике патриотизма, признания величия русской-российской истории.

"Реализация стратегии усиления классовой борьбы. Убийство Кирова. Расправы и "чистки". Беспрецедентность политического предупредительного террора. Психоз "заговоров" и "вредительства". "Ежовщина". Московские судебные процессы..."

Выходит, террор был "предупредительным", а заговоры – мнимыми, вызванными общественным (или личным –

Сталина) психозом. Согласиться с таким мнением трудно: оно основано на идее, внедренной в общественное сознание (преимущественно так называемых интеллектуалов) не только антисоветской пропагандой извне, но и установками, которые были даны во времена Хрущева и его последователей.

Интересный психический феномен: тот же автор в этой же книге приводит факты об экономическом, социальном и культурном развитии страны, о создании в эти годы многочисленных научных учреждений и, наконец, замечательных достижениях в области культуры. А в общей характеристике утверждает о "принижении интеллигенции", "падении культуры власти", "торжестве политической целесообразности", "крайней слабости материальной базы".

Происходит резкое расчленение идеологической установки (типа "империи зла") и фактов; исследование, основанное на фактах, подменяется набором фактов при заранее заданной идеологической установке.

Справедливости ради надо отметить, что такой подход сформировался в советской историографии еще с ленинской поры, когда существовала идеологическая установка на "единственно верное" учение Маркса-Энгельса. В угоду этому учению подбирались и группировались факты (благо, что история народов и государств предоставляет богатые возможности для подбора сведений, "подтверждающих" самые разные, противоречивые, а то и просто бредовые идеи).

Но все-таки Маркс и Энгельс были скрупулезными ис-

следователями и незаурядными мыслителями, поэтому в их концепции исторического процесса содержится немало дельных, обоснованных положений. Этого никак не скажешь о тех, кто продолжает не столько изучать и осмысливать, сколько охаивать историю СССР.

Итак, после такого вступления попробуем вспомнить некоторые события 30-х годов, связанные с нашей темой, а также отчасти, более широко, с историей СССР.

Самые общие соображения

При оценке ситуации в СССР и мире в 1930-е годы очень важно определить общие положения, без которых понять происходившее практически невозможно. Современные историки антисоветского направления невольно или сознательно сопоставляют, скажем, уровень жизни и положение трудящихся в СССР с теми условиями, которые были созданы на Западе для трудящихся (и безработных) в 1960-1970-е годы.

В действительности в первой половине 30-х годов Западная Европа и США находились в жестких тисках экономического кризиса. Это обстоятельство, помимо всего прочего, давало возможность "левым", главным образом троцкистам, рассчитывать на победоносную мировую революцию.

Однако опасность такого оборота событий, т. е. перманентной революции, заставляла в свою очередь развитые

капиталистические страны консолидировать свою борьбу с большевизмом, с СССР, вести ее во всех областях – в экономике, политике, в информационной сфере. Противостоять этим усилиям молодой неокрепшей стране было чрезвычайно трудно.

Но если экономический кризис ведущих капиталистических держав заставлял их прибегать к жестким мерам перед лицом действительной или мнимой угрозы со стороны "революционного пролетариата", то в то же время капиталисты не могли отказаться от выгодных сделок с быстро развивающимся экономически СССР. (Как некогда говаривал Ленин, капиталист ради выгоды продаст вам веревку, на которой его можно будет повесить.)

Таким образом, для Запада была невыгодна полная экономическая блокада Советского Союза. Однако его очевидные успехи в социалистическом строительстве вынуждали искать некий "противовес" этой угрозе. И он был найден: фашистская Германия и милитаризованная Япония. Они с двух сторон "блокировали" СССР.

...Мы, конечно, не можем утверждать, что именно такими соображениями руководствовались правители ведущих капиталистических государств. У них, конечно, были собственные частные интересы и противоречия, к тому же международная ситуация была в значительной степени запутана. Но в самом общем виде она выглядит такой, какой мы ее охарактеризовали. Это объективная реальность.

Таким образом, на международной арене СССР вел достаточно сложную игру, причем ставка была велика – выживание первого в мире государства, где у власти находились представители народа, а не наиболее знатных, богатых, обладающих властью социальных слоев. Создавалось впечатление, что оправдываются прогнозы марксизма о неизбежности краха буржуазных государств и установления диктатуры пролетариата если не во всех, то по меньшей мере в промышленно развитых странах. Было бы наивно предполагать, что интеллектуальная элита, находясь в услужении капиталистов, не разрабатывала и не пыталась претворить в жизнь самые изощренные планы уничтожения СССР.

Подчеркнем: в тот период "экономические факторы" были благоприятны именно для страны социализма и крайне неблагоприятны для капиталистических ведущих держав. Следовательно, обстоятельства заставляли их делать ставку на насильственное свержение социалистического строя, на усугубление противоречий между классами, правящей партией и народными массами, между группировками внутри партии.

Насколько серьезны были внутренние силы, противостоящие строительству социализма? Есть все основания полагать, что они были очень значительными. Насильственное свержение существовавшего недолго после царизма "демократического" Временного правительства значительно увеличило число недовольных в стране. Среди "бывших" были

сравнительно немногие, решившиеся поддержать советскую власть. Большинство было настроено активно против нее.

Недооценивать антисоветские настроения было бы крайне легкомысленно. Число подобных внутренних врагов режима исчислялось миллионами! И хотя они были разрозненны, однако были готовы в любую благоприятную минуту выступить против советской власти даже с оружием в руках. Кстати сказать, за рубежом находилось около миллиона белогвардейцев, готовых взять реванш у Красной армии. Ненависть к большевикам у многих переросла в ненависть к России, которая стала для них злой мачехой.

Официально в СССР оставалась одна господствующая партия. Однако в стране были миллионы людей, политические интересы которых простирались в самом широком спектре: от крайних анархистов-индивидуалистов до буржуазных демократов и анархистов. Всех этих людей объединяла неприязнь, а то и ненависть к коммунистической партии.

Наконец, в самой коммунистической партии еще со времен Ленина существовали острые противоречия. Победившие большевики, в свою очередь, сравнительно быстро разделились на несколько фракций и группировок.

Ни Политбюро, ни ЦК ВКП(б), ни другие руководящие партийные и государственные органы не представляли собой монолитного единства. Помимо идеологических расхождений, немалое значение имела борьба за власть, за ключевые посты в правительстве и партаппарате.

Некоторые современные историки явно или неявно исходят из того, что Сталину и его группировке приходилось яростно, а то и судорожно бороться за власть со своими политическими конкурентами. Такие "исследователи" по какой-то причине не замечают самого главного, с чем приходилось сталкиваться постоянно руководству СССР и что мы в самом упрощенном виде упомянули выше.

И еще одно существенное обстоятельство. Сталину удалось распутать, а где-то и разрубить самый сложный клубок проблем, в которых политические, и тем более межпартийные, не были самыми важными. Он боролся не столько за власть, сколько за свою идейную линию во внутренней и внешней политике, в экономике, культуре, идеологии. Он оказался победителем. И вовсе не потому, что был коварней и жесточе своих врагов. Такая версия была придумана только для того, чтобы не признать очевидное: его правду, правоту, подтвержденную не какими-то умозрительными рассуждениями, а реальностью: построением великой державы и победой в Великой Отечественной войне, созданием надежной базы для успехов 50-х и начала 60-х годов.

Справедливости ради надо подчеркнуть, что враги у Сталина были значительно коварней, беспринципней и более жестоки, чем он. Во внешней политике достаточно вспомнить историю Британской или Германской империй, Японии и США, чтобы понять, с помощью каких коварных и кровавых ухищрений они отстаивали свои интересы и рас-

ширяли сферы своего влияния. И разве не Антанта напала на юное социалистическое государство? Или через десяток лет хищные империалистические державы превратились в скромненьких травоядных?

Если говорить о внутренних врагах Сталина и его соратников, то и они ни правые, ни левые – никогда не были непротивленцами. Напротив, Троцкий или Зиновьев были (во всяком случае, если верить осведомленному писателю Марку Алданову, да и многим другим) не менее жестоки, чем Сталин... Уцелевшие оппозиционеры заявляли, что если бы победили они, их террор был бы страшнее сталинского.

Надо очень не верить в здравый смысл народа, чтобы утверждать, будто великие свершения можно осуществить единственно путем интриг, хитрости, коварства, злобности, жестокости, террора. На зыбком фундаменте лжи и подлости могучую державу не выстроишь, – а вот разрушить ее таким образом как раз нетрудно, как показал опыт СССР конца XX века. Устойчивость любой великой страны зависит не от прочности тюремных оград, а от надежности экономической базы и духовной силы народа.

Сталинский курс развития СССР привел страну к небывалым во всей всемирной истории успехам.

Правда, можно услышать возражение: но ведь СССР после Сталина не просуществовал и полвека. Значит... Это значит, что созданная система была чрезвычайно устойчива:

ведь ее всячески расшатывали и "перестраивали" или даже откровенно крушили такие деятели как Хрущев, Горбачев, Ельцин и множество их сподвижников в стране и за рубежом. То, как много было злобных врагов у советской власти, показало время распада СССР. Нет никаких оснований полагать, будто в 30-е годы этих врагов было меньше. Напротив, их было больше, и сопротивление их надо было преодолеть.

В те далекие годы в СССР, а тем более за рубежом существовало огромное количество людей, ненавидевших советскую власть, партию большевиков, лично Сталина. Часть из них безусловно была организована и готова на самые решительные действия по свержению советской власти, отстранение от власти или уничтожение большевиков и Сталина. Такова была объективная ситуация, и она не могла быть иной.

В период "перестройки" (антисоветской и антикоммунистической) распространилась достаточно странная на непредубежденный взгляд версия о том, что при советской власти массовые репрессии были организованы по указанию Сталина и для них не было никаких объективных причин. В таком случае пришлось выдвигать версию о причине субъективной, заключавшейся в личных отвратительных и страшных чертах характера Сталина, обуянного, с одной стороны, дикой жадной власти, с другой – острой манией преследования, паническим страхом за свою жизнь и неукротимой жестокостью.

Безусловно, ни один здравомыслящий человек вроде бы не может поверить в то, что такой маньяк, к тому же мало образованный и умственно ограниченный, мог практически единолично (как принято утверждать) руководить огромной страной в труднейшие периоды ее истории, причем руководить успешно. Да такое деяние под силу только гению из гениев; тут действительно возникают серьезнейшие основания для культа личности Сталина.

Мы далеки от такой версии. Ее популярность можно объяснить только возможностью массового внушения нелепейших идей в современную эпоху электронной наркоцивилизации. Внушение вместо доказательств! Самое печальное, что "авторитетному внушению" подвержены главным образом те, кто считает себя интеллектуалами (для них главное – быть причастными к интеллектуальной моде, тем более если это сулит определенные выгоды).

Вот, к примеру, свидетельство весьма осведомленного автора, ветерана органов госбезопасности генерала П.А. Судоплатова, которое подтверждается и другими высказываниями очевидцев: "До убийства Кирова Сталина нередко можно было встретить на Арбате в сопровождении Власика – начальника личной охраны и двух телохранителей. Он часто заходил к поэту Демьяну Бедному, иногда посещал своих знакомых, живущих в коммунальных квартирах".

Маршал Г.К. Жуков вынужден был исправить и дополнить свои мемуары, изданные в хрущевскую пору, признав:

"В руководстве вооруженной борьбой в целом И.В. Сталину помогали его природный ум, опыт политического руководства, богатая интуиция, широкая осведомленность. Он умел найти главное звено в стратегической обстановке и, ухватившись за него, оказать противодействие врагу, провести ту или иную наступательную операцию. Несомненно, он был достойным Верховным Главнокомандующим" (да ведь это доказывает более убедительно победа СССР под его руководством. – Авт.).

Правда, можно подозревать, что маршал Жуков, как подчиненный, не мог объективно оценить качества своего авторитетного начальника. Но вот свидетельство У. Черчилля, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к СССР и Сталину. Осенью 1941 года английский премьер прибыл в Москву и сообщил о готовящейся англо-американской операции "Торч". Сталин быстро оценил продуманность этой операции, перечислив доводы в ее пользу. "Это замечательное заявление, – писал Черчилль, – произвело на меня глубокое впечатление... Очень немногие из живущих людей могли бы в несколько минут понять соображения, над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев. Он все это оценил молниеносно".

Короче говоря, версии о субъективных причинах репрессий в СССР при Сталине, коренящихся в особенностях его личности, не имеют под собой никаких существенных оснований, не говоря уж о том, что они по сути своей антиис-

торичны. Подобные авторы обсуждают закономерности исторического развития, существования и упадка государств с позиций кумушек, сплетничающих о своих соседях, или маниакальных кляузников, строчащих доносы.

Надо отметить, что и у противников Сталина, его курса, партии большевиков и советского строя были, безусловно, веские объективные причины объединяться, устраивать тайные организации и заговоры, стараться консолидировать свои силы. Хотя и между ними были свои противоречия, порой непреодолимые. Если бы дело касалось только лично Сталина, то с ним покончили бы сравнительно быстро. Если бы группа сталинистов была невелика, то и ее свергнуть не представляло бы большой трудности. Тем более, как известно, руководство партии и страны вовсе не представляло собой монолитную глыбу или хотя бы прочный конгломерат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.